

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

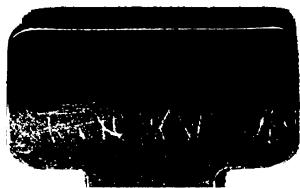
Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ВОИНСТВУЮЩИЙ ИЗРАИЛЬ.

В. И. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО.

ВОИНСТВУЮЩІЙ ИЗРАИЛЬ.

(Недѣля у дагестанскихъ евреевъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ М. И. РУМША.

1880.

Дозволено Цензурою С.-Петербургъ, 13 Мая 1880 г.

Типографія Б. Г. Янпольскаго, Демидовъ пер., л. № 5.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Ночь въ горахъ.—Трагическій злодѣй Магомадь-Оглы	1
II. Кай-Булагская щель.—Фея духана.—Баба-яга—костяная нога.	15
III. Еврей-охотникъ, еврей абрекъ. — Битва съ леопардомъ . . .	28
IV. Оставленный Ауль	48
V. Изгнанникъ	60
VI. Еврейскій Ауль	81
VII. Израиль воинствующій у себя дома	104
VIII. Оффенбаховскіе разбойники и еврейская самокрутка	118

едѣля подѣ южнымъ солнцемъ, недѣля постоянно смѣняющихся, яркихъ впечатлѣній среди чудныхъ, горныхъ пейзажей, нигдѣ и никогда не повторяющихся.

Въ этой рамкѣ клочекъ семитскаго племени, дванымъ давно заброшенный въ Кавказскую глушь, въ среду чуждыхъ ему и даже враждебныхъ народовъ. Уголокъ завѣсы приподнять надъ борьбою, продолжавшеюся тысячелѣтїя. Видишь какъ эти обломки воинствующаго Израиля крѣпли и выросали въ смѣлыхъ и сильныхъ людей на землѣ, облитой кровью, на скалахъ, уходящихъ въ поднебесе.

Тутъ-же рядомъ — драма изгнанїя... Обманутые мусульмане горцы, возвращающїеся изъ негостепріимной Турціи домой, чтобы умереть среди безлюдныхъ и мол-

чаливыхъ развалинъ роднаго аула, если уже нельзя жить въ этихъ полуразрушенныхъ сакляхъ, гдѣ теперь только горные орлы выютъ свои гнѣзда.

Отчего наши евреи выродились, отчего русскій Израиль развратился! Развѣ менѣе кровавая борьба досталась на долю его собратѣй, заброшенныхъ въ горы Дагестана, развѣ не столь-же томительно было ихъ прошлое, развѣ они не страдали, не плакали такими-же горючими слезами?.. Древній еврей тутъ весь передъ вами. Я не хочу ни ненавидѣть ни защищать. Я говорю только о томъ, что видѣлъ и затѣмъ ставлю вопросительный знакъ.

Авторъ.

I.

Ночь въ горахъ. — Трагическій
злодѣй Магомадъ-оглы.

ахнеть съ утра жасминами.

Кажется, дышешь не воздухомъ,
а ароматомъ горныхъ цвѣтовъ.

Глазъ устаеъ слѣдить за изви-
вами ущелій, за гребнями горъ, за
ихъ вершинами, то выступающими
серебрянными куполами на яркой
синевѣ чистаго неба, то пропадаю-
щими вдаль, чтобы минуту спуслъ
опять замечтаться едва различаемыми
контурами.

Грохоть ручьеѣ справа и слѣва...
Ручьи впереди, ручьи позади... Точно
попалъ въ заколдованное царство те-
кучей воды. Поневолѣ забудешь и не удобный ночлеги
въ горахъ, и недавнюю усталъ, и неудачи на охотѣ за
каменными баранами—турами.

Или во мнѣ совершенно нѣтъ инстинктовъ охотника,

или я просто еще не усвоил себѣ всей прелести этой беспощадной травли—не знаю. Только какъ въ Лапландіи мнѣ жаль было бить дикихъ оленей, такъ и здѣсь рука не подымалась дѣлать въ эти красивые силуэты гордыхъ животныхъ, словно наслаждающихся съ высоты своихъ неприступныхъ скалъ громадною панорамою долинъ и ущелій, раскидывающихся подъ ними внизу. Говорятъ, что туръ по вѣтру не подпустить къ себѣ никакого охотника, говорятъ, что, застигнутый врасплохъ, онъ „головою внизъ бросается въ пропасть и, ударившись лбомъ о камень, становится на ноги“,—не знаю. Охотники—лгуны по принципу, натуралисты, имѣютъ слабость вѣрить имъ, ну и Господь съ ними... Вѣдь рассказывалъ-же мнѣ мой милѣйшій спутникъ, Аду-Ника-Магомадъ-оглы, что жилъ у нихъ въ аулѣ нѣкто Ходжалъ-Махи, умѣвшій привораживать туровъ. Отъ одного взгляда этого дагестанскаго Нимврода каменные бараны дѣлались неподвижными и подставляли грудь подъ пулю его ружья. Да и ружье у него было тоже закодрованное. Оно само поворачивалось дуломъ въ ту сторону, гдѣ находился туръ. Ходжалъ-Махи только и дѣлалъ, что спускалъ курокъ.

— Ну а теперь у васъ такихъ охотниковъ нѣтъ?

— Нѣтъ... какъ русскіе пришли, ни одного не осталось. Перевелись всѣ. Теперь только Юнусъ-оглы и ходитъ на туровъ изъ нашего аула. Остальнымъ и дѣла нѣтъ... Молодежь—та тоже портиться начинаетъ... Недалеко время, когда горные орлы домашними курами

стануть, а мужи вмѣсто женщинъ дѣтей рожать начнутъ.

А все урุษь!..

И Магомадъ печально покачалъ головою.

— Прежде, горячо заговорилъ онъ, — у насъ судился народъ по адату или шаріату. Теперь русскіе своихъ судовъ понадѣлали... Тутъ недавно какое дѣло было. Мальчикъ Курбанъ-оглы засталъ мать свою въ полѣ съ Сулейманомъ, сосѣдомъ ихнимъ. Разумѣется, не добрымъ дѣломъ занимались они. Ну, а мальчикъ хорошей крови былъ, не вытерпѣлъ безчестія и убилъ Сулеймана кинжаломъ. Что-жь-бы ты думалъ, вмѣсто того, чтобы оправдать его, какъ было-бы у насъ прежде, русскій судъ заперъ его въ тюрьму.

— А сколько дѣтъ убійцѣ?

— Тринадцатый только. Совсѣмъ напрасно пострадалъ, бѣдный.

— Неужели-же прежде у васъ такъ-бы и оставили это дѣло?

— Зачѣмъ такъ! Тоже совѣсть была! Родные Сулеймана стали-бы мстить. Правильно дѣло было-бы — кровь за кровь; молодежь смѣлость и удалство показать-бы могла... А теперь?.. Прежде народъ честь зналъ, за обиду кинжаломъ расправлялся. Мужики были, а теперь бабами стали. Чуть что — къ начальству бѣгутъ. Какого еще позора ждать? У насъ здѣсь есть одинъ такой, жену свою поймалъ въ кунацкой съ гостемъ. Что-жь-бы ты думалъ? съ ужасомъ обратился ко мнѣ Магома. — Убилъ онъ ихъ?.. Нѣтъ — женѣ разводъ далъ и на обольстителя ея, собачій сынъ,

пошелъ жаловаться въ судъ. Просто и жить не стоитъ нынче... Кто говорить, всё мы въ молодости на эти дѣла ходили. Кровь играетъ, поневолѣ къ сосѣду залѣземъ жену воровать. А только мы знали, что голову свою за это несемъ, знали, что если оплошаемъ, такъ и совсѣмъ домой не вернемся!..

А ночь дѣйствительно выпала на нашу долю плохая.

Черною пастью лежала еще ввечеру передъ нами пещера. Мы забрались туда часа на два, пока не взойдетъ луна. Въ потемкахъ нечего было и думать пускаться на удачу. На первомъ-же поворотѣ тропинки и мы, и лошади свернули-бы себѣ головы. Кое-какъ въ глубинѣ грота удалось развести костеръ. У входа темнѣла холодная мгла. Злобно шипя, колыхалось пламя, съ тихимъ свистомъ пробѣгало оно вверхъ по вѣтвямъ сухого орѣшника, и когда между ними попадался корень, узловатый и толстый — снопы золотыхъ искръ падали на черныя плиты. Вверху то клубился дымъ, то багровый отблескъ игралъ на сталактитахъ.

Костеръ погасъ скоро, только, тускло отгорая, еще шипѣли смолистые сучья. Около пещеры фыркали лошади.

— Теперь пора! поѣдемъ!

Мы встали и вышли.

Высоко горѣли звѣзды въ ночныхъ небесахъ, разливая сребрянный свѣтъ. Изъ мрака выступали утесы; вонь одинъ прямо передъ нами, точно матово-бѣлая глыба. Внизу, объятая туманомъ, долина какъ пропасть лег-

ла. Только какой-то огонек на самом днѣ ея то вспыхнетъ, то замретъ...

— Костеръ тоже, пояснилъ Магома. — Тоже луны ждуть.

Вонъ бьется и плещетъ горное озеро, дробится въ огнистыя искры. Точно призраки, изъ разщелинъ ползеть, растеть и клубится мгlistая тьма.

И вдругъ... Точно багровымъ заревомъ разомъ облило застывшую въ голубомъ блескѣ окрестность. Мѣсяцъ показался за Шайтанъ-горою. Далеко впереди зазмѣнились извивы тропинки, массы горъ опредѣлились. Гдѣ прежде былъ однообразный фонъ, теперь легли оттѣнки ущелий и выступовъ. За пропастью налѣво, на склонѣ горы, засверкало нѣсколько огоньковъ. Это горный ауль, еще незаснувшій... Лунный блескъ краснымъ заревомъ легъ на его плоскихъ кровляхъ, обдалъ багровымъ отсвѣтомъ круглую, суживающуюся кверху башню минарета. Новый поворотъ дороги—и опять передъ нами пустынная мѣстность.

И мы тронулись впередъ... Въ убогихъ ущельяхъ насъ охватывала со всѣхъ сторонъ влажная тьма, теплымъ и нѣсколько душнымъ воздухомъ обдавало на скалистыхъ гребняхъ. Приходилось лѣзться почти по отвѣснымъ скаламъ, ползти вдоль пропасти, такъ-что кони сплошь насѣдали на лѣвыя ноги, чуть дотрагиваясь до обрывистаго края тропинки правыми.

Словно черныя пятна на свѣрыхъ утесахъ выдѣлялись гроты. Нѣкоторые изъ нихъ искусственные. Одни высѣче-

ны троглодитами въ незапамятную старь, другіе — въ позднѣйшія времена жителями окрестныхъ ауловъ, спасавшимися сюда отъ набѣговъ осетинъ валаджарскихъ. Какую эффектную картину должны были представлять эти отвѣсныя стѣны, когда временное населеніе ихъ пещеръ раскладывало по ночамъ огни, когда на высотѣ воздушной сверкали эти щели, какъ пламенныя жерла, среди окружающаго мрака и безмолвія, надъ обезлюдѣвшими аулами мирныхъ долинъ. А на вершинахъ горъ одни за другими вспыхивали зловѣщія костры, разнося далеко, за десятки верстъ, смутный слухъ объ опасностяхъ осетинскаго набѣга.

Всталъ и зашелъ мѣсяць. Поблѣднѣли яркія звѣзды. Вершины заалѣли подъ зарею... А мы все еще были на коняхъ.

Все доступное оку сверкало подъ заревыми лучами. На изломахъ утесовъ, въ серебряномъ дождѣ небольшихъ водопадовъ, въ водахъ спокойнаго горнаго озера блистали эти лучи. Огнистая вершина Халта-горы казалась алтаремъ, а вокругъ, какъ цари этого пустыннаго міра, сіяли подъ зарею своими горящими вѣнцами утесы и скалы въ безконечную даль уходившаго нагорья. Огненными морями раскинулись на немъ ледники. А сѣрые туманы подъ блескомъ весенняго дня еще клубились въ глубокихъ долинахъ. Сквозь ихъ разорванный покровъ кое-гдѣ зеленѣли сады. Въ одномъ мѣстѣ надъ тучей, точно бирюзовая, голубѣла верхушка минарета, словно она плавала въ волнахъ этой медленно зыблущейся мглы.

Прелестно начался этот веселый день, приветствуя насъ, одинокихъ странниковъ, запахомъ жасминовъ и веселымъ говоромъ въ алмазную пыль дробившихся ручьевъ.

Тутъ-то мой кунакъ и благопріятель Магома печаловался на растлѣніе современныхъ нравовъ въ Дагестанѣ.

— Все-таки прежде хуже жилось, рискнулъ замѣтить я.

— Почему хуже?

Магома даже приостановился.

— Убийствъ было много.

— Можетъ быть, ты и хорошій человекъ, да урусь. У васъ у всѣхъ руки сильныя, да души воробьиныя. Развѣ подобаешь мужу крови бояться? Развѣ не весело, когда кругомъ звенять шашки и порохомъ пахнетъ? Эхъ, было время!.. Для храбрыхъ людей не нужно было и повода, чтобы поработать кинжаломъ. Вотъ тутъ недалеко случай былъ: изъ-за плети триста человекъ зарѣзано.

— Это-же какъ? невольно удивился я.

— А такъ, что прежде люди были, а не бабы. Сосѣдъ у сосѣда плеть взялъ, да забылъ воротить ее. Хозяинъ обругалъ его, онъ схватился за кинжалъ. А въ это время народъ изъ мечети шель. Весь аулъ на двѣ партіи раздѣлился. Одни пристали къ хозяину плети, другіе къ его сосѣду, и пошла „веселая игра“. Триста мертвыхъ къ вечеру и подобрали... Было время!..

Я невольно приостановилъ лошадь, чтобы на случай быть подалѣе отъ этого любителя „веселой игры“.

Магома былъ человѣкъ совершенно искренній. Старикъ, нѣкогда непримиримый врагъ русскихъ, одинъ изъ самыхъ неукротимыхъ узденей Хаджи Мурата, а теперь старшина своего аула, онъ выросъ при такой обстановкѣ, гдѣ кровь не считалась ни во что, а жизнь человѣческая цѣнилась дешевле цыпленка. Представьте себѣ худое и длинное лицо, съ длиннымъ, клювообразнымъ носомъ. Сѣдья космы усовъ и бороды совершенно скрываютъ ротъ, изъ-подъ далеко выдавшихся щетинистыхъ бровей неотступно смотрятъ на васъ грозныя очи недавняго мюрида, сотни разъ встрѣчавшія смерть и навѣрное неопускавшіяся передъ нею. Лобъ и щеки въ морщинахъ и каждая врѣзана глубоко, точно остріемъ кинжала. Сухая грудь, сухія, узловатыя руки. На конѣ сидитъ—точно приросъ къ нему. Какъ будто въ противорѣчіе самому себѣ, тотъ же мюридъ Магома, повѣствующій о прелестяхъ „веселой игры“ и предпочитающій запахъ пороха и крови благоуханію жасминовъ,—страстный любитель котятъ. Даже смѣшно было видѣть эту сумрачную, грозную фигуру, этого „трагическаго злодѣя“, по-дѣтски забавляющагося съ котятами, которыхъ онъ себѣ укладывалъ и за пазуху, и на шею. Того же Магома, несмотря на все его величіе, ничуть не боялась аульная дѣтвора. Все это голое, толстобрюхое, но неизмѣнно выбритое потомство при каждой встрѣчѣ съ Магомою непременно потребуетъ отъ него сказки или лабъ-лабы—мѣстнаго лакомства. И трагическій злодѣй возится съ ними, какъ съ котятами! Судите послѣ того о человѣкѣ. Тотъ-же Магома, ради

моего, на примѣръ, спокойствія, готовъ былъ сложить голову и искренно обидѣлся, когда я ему предложилъ вознагражденіе. А что я ему, спрашивается? Магома отличался мягкосердечіемъ и въ другихъ случаяхъ. Такъ, на примѣръ, если по дорогѣ ползеть какой-нибудь жукъ, трагическій злодѣй непременно объѣдетъ его, чтобы не раздавить подъ копытами лошади. Если гдѣ-нибудь на проулочкѣ аула воетъ паршивая, голодная собаченка, Магома ее подыметъ, принесетъ домой и накормитъ. Тотъ же трагическій злодѣй Магома славится своею игрою на чунгурѣ (родъ балайка съ стальными струнами), на которомъ играютъ посредствомъ гибкой корочки черешневого дерева. Магома сочинялъ сантиментальныя пѣсенки и зачастую плакалъ подъ звуки своей чунгуры. А про того же сердобольнаго Магому рассказываютъ, на примѣръ, такой случай. Давно какъ-то случилось ему быть на одной сходкѣ внѣ его аула. Нѣсколько человекъ позволили себѣ подсмѣяться надъ нимъ и между прочимъ намекнули на то, что жену его Айшу-Мамаатъ-Кизы видѣли какъ-то съ его двоюроднымъ братомъ въ томъ же положеніи, въ какомъ историческій рогоносецъ Менелай засталъ прекрасную Елену съ Парисомъ. Магома затаилъ злобу. Онъ на сходкѣ никому не отвѣтилъ ни слова, но, выйдя изъ аула, притаился за первую попавшуюся по дорогѣ скалою. Ждать пришлось ему недолго. Одного за другимъ—онъ убилъ неосторожныхъ шутниковъ, вернувшись домой, зарѣзалъ Айшу и въ ту же ночь покончилъ съ своимъ легкомысленнымъ кузеномъ. Десять лѣтъ послѣ

того онъ скитался по Кайтагу, забирался и въ елисуи-ское султанство,—скитался больше по обычаю, чѣмъ из-бѣгая мести родственниковъ своихъ жертвъ. Наконецъ, во время „замиренія“ ему удалось покончить съ „канлы“ и вернуться домой. Тѣмъ не менѣе понятно, что жизнь его виситъ на волоскѣ. Старыя обиды не забыты, и хотя Магома прочиталъ убитымъ молитву „фатиха“ и уплатилъ ихъ близкимъ деньги, ему все-таки добромъ не кончить! Магома былъ „тоувадакити“, т. е. принялъ присягу не пить опьяняющихъ напитковъ.

Вотъ еще случай для характеристики Магомы—трагического злодѣя.

Къ нему, какъ къ аульному старшинѣ, пріѣхалъ „нукеръ“ отъ окружнаго начальника для взысканія штрафныхъ денегъ. Собрали на-скоро всѣхъ властей, другого старшину Юсупа, аульнаго „крикуна“ (глашатая) Мухаммеда. Явился и аульный писарь—тоже горецъ. При этомъ, какъ и слѣдуетъ властямъ, заспорили, откуда начинать, съ южнаго или сѣвернаго конца аула. Старики Магома и Юсупъ спорили истово, важно. Со стороны можно было подуматъ, что дѣло идетъ о судьбахъ цѣлаго населенія, о чьей-нибудь жизни; наконецъ, писарь рѣшилъ перебрать горцевъ, подлежавшихъ штрафу, съ середины.

По узенькому переулочку, змѣвившемуся вокругъ безпорядочно разбросанныхъ саклей, сборщики поднялись къ небольшой площадкѣ, на которой, у самой мечети съ круглымъ, суживающимся кверху минаретомъ, стояла жалкая, убогая сакля перваго должника Курбанъ-оглы.

Самого его не было. Вышла жена его, голодная, истощенная женщина.

— Съ твоего мужа слѣдуетъ три рубля.

Та только широко раскрыла глаза.

— Спаси васъ Аллахъ!.. Да у моего Курбанъ-оглы и денегъ такихъ никогда не было!.. За что?.. Что онъ сдѣлалъ?

Мотивы своихъ рѣшеній окружныя начальники не объясняютъ и оправданій никакихъ не принимаютъ вовсе.

— Женщина, не говори лишняго!..

— Да сжальтесь-же надъ нами бѣдными, посмотрите, какъ мы живемъ.

Жили, дѣйствительно, ужасно.

Сакля вся состояла изъ мазаного глиной плетневого короба. Въ одномъ отдѣленіи его стоялъ волъ и корова, въ другомъ жилъ несчастный Курбанъ-оглы. На его женѣ были лохмотья. Голый ребенокъ, какой-то жалкій, напуганный, словно дикій звѣрекъ выглядывалъ изъ-за дверей и поминутно прятался въ душную тьму своего жилища.

— Что тутъ время терять! вступился нукеръ.— Гоните корову. Коли черезъ три дня не внесетъ штрафъ, продадимъ въ городъ.

Несчастливая даже не протестовала. Она только опустила руки, какъ-то разомъ поникла и помертвѣла вся, точно все внутри у нея осѣло, упало. Пока голодную коровенку выгоняли изъ хлѣва, слезы медленно струились по этому заостренѣвшему лицу. Только когда корову выгнали, она разомъ рванулась къ ней, схватила ее за шею и точно повисла на ней.

— Убить вы насъ хотите? Что вонъ тѣ малютки ѣсть будутъ, они вѣдь только и живутъ молокомъ. Больше у насъ ничего нѣтъ... Маци, Ахмедъ!..

Изъ сакли робко показался мальчуганъ, за нимъ едва переступала на маленькихъ ножонкахъ крошечная дѣвочка.

— У насъ корову отнять хотите... рыдала мать.— За одно и ихъ схороните, все равно съ голоду умрутъ.

Магома по привычкѣ, совершенно безсознательно, достала изъ кармана лабъ-лабы и протянула горсть мальчику. А на лицѣ сохранялось все то-же начальственное выраженіе и сумрачныя очи такъ-же грозно смотрѣли изъ подъ-сѣдыхъ, нависшихъ бровей.

— Вола можно взять! заикнулся нукеръ.

— Воля не ея. Воля братнинь! замѣтилъ аульный крикунъ.

— Не хорошо!.. вдругъ вырвалось у Магомада.

Всѣ въ изумленіи оглянулись на него.

— Не хорошо!.. въ самомъ дѣлѣ умрутъ... Ишь какіе маленькіе.

И жилистая рука легла на голову крохотной дѣвочки. Та даже присѣла отъ этой ласки.

— Намъ разсуждать нельзя, объяснял нукеръ,—мы посланы... велѣно...

— Что такое говорите вы тамъ! разгорячился Магома.—Кто васъ послалъ? Грабить хотите вы, что-ли? У бѣдныхъ дѣтей кормилицу отнимаете. Что, они виноваты въ томъ, что отецъ ихъ Юсупу дерзости сказалъ? Виновата она, что-ли?

И Магомадь подхватилъ дѣвочку, поднесъ ее къ самому носу ни въ чемъ неповиннаго и до сихъ поръ молчавшаго аульнаго крикуна—парня необычайно глупаго вида. Букашка въ сильныхъ рукахъ Магомы раскричалась.

— Что-же, ты за нее заплатишь, что-ли? насмѣшливо спросилъ нукеръ.

— И заплачу. Гони корову назадъ.

— Плати если богатъ!

Но роли благодѣтельнаго Провидѣнія Магомадь не могъ выдержать до конца. Точно желая ослабить впечатлѣніе, онъ разорался на бѣдную женщину. Та, впрочемъ, обрадовалась и стала передъ нимъ, опустя голову, но уже съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ.

— Чего ты тутъ! кричалъ Магомадь.—Что ты за хозяйка... Дѣти голыя... Не бьетъ тебя мужъ, вѣрно!... Ишь ты, тоже плакать умѣеть. Приведи дѣтей вечеромъ—платье имъ дамъ да хлѣба велю своей Заза отсыпать вамъ!

И онъ опять заоралъ и затопалъ ногами.

Оказалось; что трагическій злодѣй является постоянно плательщикомъ за свой обѣднѣвшій ауль. Всѣ ему должны. Недостача хлѣба, другая какая необходимость—сейчасъ къ Магомѣ, и онъ, сохраняя то-же суровое выраженіе лица, поможетъ въ дѣйствительной нуждѣ. Да не такъ поможетъ, какъ помогаетъ, напримѣръ, нашъ деревенскій міроѣдъ, заставляя должника работать на

себя, идти къ себѣ въ кабалу. Нѣтъ, Магомадъ именно давалъ такъ, чтобы правая рука не знала, что дѣлаетъ лѣвая.

Вотъ вамъ и трагическій злодѣй Магомадъ-оглы!

II.

Кай-булагская щель. — Фея духана. — Баба-яга — костяная нога.

орный пейзажъ какъ-то разомъ померкъ. Стало все сумрачно, даже, пожалуй, грозно.

Представьте себѣ гору, которая треснула пополамъ. Щель, со стороны незамѣтная, блеститъ какъ остріе ножа, когда тропинка поворачиветъ прямо къ ней. Это даже не коридоръ, а просто трещина.

— Неужели дорога туда идетъ?

— Кай-булагская щель называется. Сказываютъ давно тому назадъ, когда еще по всему Дагестану и уруса не бывало, когда „наши“ жили какъ горные орлы, на всей своей вольной волѣ, одинъ богатырь проѣзжалъ здѣсь. Десять дней и десять ночей на конѣ оставался, усталъ страшно, а тутъ вдругъ крутая гора передъ нимъ.

Ему-то ничего, коня ему жаль стало. Вынулъ онъ пашку и рубнулъ; съ тѣхъ поръ и явилась щель эта. Теперь такихъ богатырей нѣтъ.

По мѣрѣ приближенія къ трещинѣ слышался грохотъ воды, точно сворачивавшей съ мѣста громадныя скалы.

— Что тамъ, потокъ?

— Хорошо, что дождя нѣтъ, а то не проѣхать-бы.

— Почему?

— А по всей щели, точно облако, вспѣнная вода бѣжить. Внизъ съ откосовъ ручьи стекаютъ, ну и вздуется, шалить. Разъ тутъ цѣлый джамаатъ нашъ сбросило, ни одинъ живъ не вышелъ. На серединѣ горы дождь ихъ захватилъ, ну до выхода они и не успѣли добраться. Тѣла ужасно избито водой о скалы. Трудно узнать ихъ было. Сюда вотъ, въ эту долину, снесло. Съ тѣхъ поръ такъ и называемъ мы ее „мертвой.“

Прямо у входа въ щель былъ духанъ. Плоская кровля его далеко выдавалась впередъ, образуя открытую галерею. По столбикамъ, поддерживавшимъ выступъ крыши, ползли вверхъ виноградамыя лозы, переплетаясь въ тысячи причудливыхъ арабесокъ. Сквозь эту зеленую сѣть ничего не было видно, за то когда, сойдя съ лошадей, мы вошли туда, какимъ чуднымъ уголкомъ показался намъ этотъ жалкій дагестанскій кабакъ! Сквозь виноградныя сѣти солнце играло на стѣнахъ дома изумруднымъ блескомъ. На полу, вездѣ, куда ни уходилъ взглядъ, колыхались и вздрагивали тѣни отъ этой постической арабски. Солнечные блики ложились и на наши лица, и на

темный коверъ, и на длинныя цилиндрическія подушки. Даже на бурдюкахъ играло оно зеленоватымъ блескомъ. Не хотѣлось сдвинуться съ мѣста, — такъ хорошо и приятно казалось здѣсь. Тѣмъ болѣе, что вокругъ духана лежала сумрачная окрестность безплодныхъ горъ и каменныхъ скалъ.

— Чей это духанъ? Должно быть какой-нибудь армянинъ выселился сюда изъ Темиръ-Ханъ-Шуры или Кизляра?

— Еврей держить... Горскій еврей... Бениогу называется...

Я сейчасъ-же вспомнилъ цѣлый рядъ интересныхъ этнографическихъ данныхъ, приведенныхъ тифлисскимъ ученымъ Іудю-Чернымъ объ этой оригинальной отрасли семитскаго племени, заброшенной на Кавказъ еще во время перваго существованія храма іерусалимскаго. Полагаютъ, что это—потомки евреевъ, высланныхъ сюда Салманасаромъ. Названный мною путешественникъ находилъ между ними имена, употреблявшіяся израильтянами еще во время странствованія въ аравійской пустынѣ, при судіяхъ и царяхъ, и несуществующія уже у другихъ евреевъ. Таковы, на примѣръ, мужскія: Мамра, Гамлилъ, Аминодавъ, Нахшонъ, Эльдотъ, и женскія: Авигаиль, Тунамить, Іемима, Іоэль, Авишагъ и т. д. Вообще, только въ послѣднее время кавказскіе изслѣдователи пришли къ убѣжденію, что главный хребетъ, Карталиня и Кахетія нѣкогда, еще ранѣе Салманасара, были обитаемы какимъ-то семитскимъ племенемъ, неоставившемъ по себѣ

никакихъ памятниковъ. Въ обычаяхъ кавказскихъ горцевъ до сихъ поръ хранятся слѣды этихъ аборигеновъ. Слѣдую свидѣтельству Пфафа, по коренному осетинскому праву братъ еще недавно былъ обязанъ жениться на вдовѣ умершаго брата; кромѣ законной жены, достаточные осетины держали наложницъ, дѣти отъ которыхъ назывались „кавдасардами,“ отъ того, что они рождались въ ясляхъ—все это учрежденія чисто-семитскія. Наружность, жесты, говоръ осетинъ напоминаютъ евреевъ, обряды погребенія и жертвоприношеній во многомъ сходились съ древне-еврейскими. У коренныхъ осетинъ, по тому-же указанію г. Пфафа, сынъ, какъ и у семитовъ, остается всю жизнь при отцѣ и непрекословно подчиняется какъ ему, такъ и всѣмъ старшимъ въ родѣ. У осетинъ встрѣчаются еврейскія имена мѣстностей. Что семиты были аборигенами Кавказа и поселились здѣсь ранѣе XV вѣка до Р. Х., доказывается тѣмъ, что племена горцевъ, смѣшавшіяся съ ними и усвоившія себѣ ихъ обычаи, вовсе не знаютъ закона Моисеева. Противъ теоріи заселенія древняго Кавказа евреями приводятъ обыкновенно неимѣніе въ существующихъ нынѣ языкахъ мѣстныхъ племенъ еврейскихъ словъ. Но кому неизвѣстно, что семиты, поселяясь въ данной странѣ, тотчасъ-же почти утрачиваютъ свой народный языкъ, почему и „лингвистика къ этнографіи семитовъ трудно приложима“. Вѣдь по изслѣдованію того-же Іуды-Чернаго оказывается, что позднѣйшіе, переселившіеся уже при Салманасарѣ сюда евреи утратили совершенно свой отечественный языкъ.

Еще во времена пребывания св. Нины въ городѣ Урбинсѣ, въ Карталиніи, она бесѣдовала съ мѣстными евреями на ихъ древнемъ языкѣ. Точно такъ-же она говорила и съ мцхетскими семитами. Но во время персидскаго владычества въ Закавказьѣ здѣшніе евреи усвоили себѣ древне-персидскій говоръ, называемый ими фарситскимъ и татскимъ. Въ смѣшанномъ жаргонѣ горскихъ евреевъ такъ мало древнихъ отечественныхъ словъ, что, напримеръ, въ отрывкѣ, приводимомъ Іудюю-Чернымъ, на шестнадцать строкъ ихъ оказывается только два. Евреи, несмотря на послѣдующее мусульманское владычество на Кавказѣ, остались и до сихъ поръ вѣрны древне-персидскому языку, хотя во всемъ остальномъ, разумѣется кромѣ религіи, они совершенно отатарились. Даже самое имя хозяина духана, куда мы пристали, — Беніогу, дышало чѣмъ-то патріархальнымъ, семито-арабскимъ, и вовсе не напоминало нынѣшнихъ Ицекъ и Срулей, также какъ кавказскіе горные евреи вовсе не напоминаютъ своихъ цивилизованныхъ собратій въ Европѣ, являясь племенемъ въ высшей степени привлекательнымъ...

Мы привольно расположились на тахтѣ. Магомадъ безъ церемоніи собралъ нѣсколько ковровъ, уложилъ ихъ одинъ на другой и пригласилъ меня улечься поудобнѣе. Самъ онъ отправился поить лошадей. Солнце сквозь виноградныя сѣти свѣтило такъ ярко, откуда-то наносило такой нѣжный аромат незнакомыхъ мнѣ цвѣтовъ, у самаго уха такъ задорно и громко щебетали птицы, что я было сталъ забывать и оригинальное племя, среди кото-

*

раго находился, и историческія изысканія архиваріусовъ науки. Благодатный весенній сонъ на воздухѣ уже смыкалъ вѣки, здоровое спокойствіе, полное лѣни и нѣги, охватывало меня всего, какъ вдругъ я приподнялся отъ восторга и изумленія.

Изъ дверей сакли вышла дѣвушка, которую, право, можно было принять за фею. Будь здѣсь Гейне, попадись ему на глаза это очаровательное видѣніе—мы имѣли-бы прелестную горную легенду. Мнѣ самому стало совѣстно, что я разинулъ ротъ передъ красивой дикаркой. Представьте узкій овалъ лица, тонкаго и изящнаго. Крупные черные глаза миндалинами смотрятъ на васъ какъ-то робко и покорно. Это взглядъ восточной женщины. Черныя брови словно чуть-чуть наведены кисточкой—такъ правиленъ ихъ изгибъ; изящный носикъ съ тонкими розовыми ноздрями, слегка раздувающимися даже и отъ обыкновеннаго дыханія, и маленькій ротъ; нѣсколько припухшія ярко-алыя губки, верхняя чуть-чуть вздернута, не безобразно, а ровно на-столько, чтобы показать мелкій жемчугъ зубовъ. А волосы хоть и скрывалъ уродливый шелковый мѣшокъ позади, но пряди ихъ выбивались надъ небольшимъ лбомъ и назойливыми, мелкими локонами обрамливали тонкія розовыя, сквозившія уши. Распустите по матовой, страстной смуглинѣ этого лица капли двѣ-три крови, на-столько, чтобы слегка окрасить лишь щеки, проведите по готовому очерку его также едва замѣтныя голубыя линіи жилкокъ — и вы поймете, какъ пораженъ я былъ въ первую минуту. Желтая шел-

ковая рубаха съ широкими рукавами, перехваченная въ поясѣ, позволяла рассмотреть покатыя плечи и талію стрекозы, разомъ почти переходившую въ широкія, роскошныя линіи сильно развитыхъ бедръ. Узенькая, красивая кисть руки была такъ идеально хороша, что становилось поневолѣ досадно на голубыя бородавки выцвѣтшей персидской бирюзы, въ видѣ перстней сидѣвшія на длинноватыхъ пальцахъ еврейки...

Она заговорила что-то гортаннымъ, пріятнымъ голосомъ. Я, разумѣется, покачалъ головою. Насмѣшливая улыбка на одно мгновение скользянула по ея лицу и пропала... И снова робко и покорно смотреть эти выразительные глаза.

Увы! Встрѣченная нами фея кай-булагскаго ущелья была первой и послѣдней красавицей среди еврейскаго населенія Дагестана. Можетъ быть, другія мнѣ не попадались, но по долгу добросовѣстнаго туриста я долженъ повѣдать, что всѣ остальные дамы воинствующаго Израиля были очень непривлекательны. Между ними, сверхъ того, попадаются настоящія, татуированныя дикарки. И безъ того грубыя лица еще разрисованы разными фигурами, линіями, кругами, трехугольниками. Всего отвратительнѣе, когда эти знаки наведены ярко-красною краской. Точно кровью расписаны. Мнѣ привелось даже встрѣтить старуху, неотказавшую себѣ въ удовольствіи провести по лицу нѣсколько черныхъ черточекъ, придававшихъ ей, по ея разумѣнію, особенное благородство и изящество. Щеголихи съ крашеными бровями и волосами

очень не рѣдки. Въ послѣднее время, по персидскому обычаю, мѣстные дамы въ нѣкоторыхъ аулахъ наводятъ багровые колера на старательно отрощенные ногти. Точно концы пальцевъ въ крови вымочены. Всѣ эти легкомысленныя Евы въ будни одѣты очень скверно; не говоря о бѣдныхъ, и богатая щеголяютъ лохмотьями... Сверхъ того, онѣ весьма грязны. Англичанинъ, измѣрившій степень цивилизаціи количествомъ потребляемаго данною странною мыла, пришелъ бы въ ужасъ отъ горскихъ евреевъ.

— Махласъ, Махласъ! слышалось изнутри сакли.

Красавица опять заговорила что-то на своемъ гортанномъ языкѣ, обращаясь къ дверямъ, и прошла мимо меня, потупивъ глаза. Потомъ оказалось, что Махласъ было ея имя. Выкрикивала его очень безобразная старушонка съ слезившимися глазами, вся сморщенная, точно всю ее выжимали и свертывали, какъ свертываютъ и выжимаютъ только что вымытое бѣлье. Старуха что-то очень долго говорила мнѣ на томъ же непонятномъ языкѣ, я сочувственно кивалъ ей головою, ничего не понимая. Потому, что она взмахивала рукою на дворъ и произносила имя Беніогу, я догадался, что хозяина дома нѣтъ... Наконецъ выкрикиванія старухи мнѣ надоѣли, тѣмъ болѣе, что съ каждымъ словомъ она подходила все ближе и ближе, обдавая меня обильнымъ запахомъ чесноку. Надо было положить предѣлъ ея краснорѣчію, и я вдругъ съ апломбомъ разразился столь же продолжительною рѣчью на русскомъ языкѣ. Вѣжливость за вѣжливость. Старуха

столь же внимательно выслушала меня до конца и не менѣе сочувственно покачивала головою.

— Шашлыкь?.. Гохъ шашлыкь? задалъ я ей вопросъ въ заключеніе моей рѣчи.

Она быстро забормотала что-то и опять стала выкрикивать „Махлась, Махлась!“

Фея показалась, но съ выраженіемъ большого неудовольствія. Я все-таки понялъ, что дѣло идетъ о заказанномъ мною шашлыкѣ, и было успокоился, какъ вдругъ старуха налетѣла на дѣвушку и давай орать ей прямо въ лицо. Та тоже не осталась въ долгу. Брань посыпалась обоюдная. И та, и другая отчаянно размахивали руками, то налетая, то расходясь. Замѣчательно, что, бранясь, онѣ почему-то выгибались тѣломъ во всѣ стороны. Гвалтъ былъ страшный. Наконецъ старуха схватилась за мѣшокъ, въ который была упрятана коса красавицы, и, вопя, какъ зарѣзанная, кинулась изъ сакли, увлекая за собой не менѣе крикливую фею. Черезъ минуту дѣвушка вошла вся разгорѣвшаяся, меча молніями точно округлившихся глазъ и не умолкая ни на одну минуту.

Я рѣшился не обращать вниманія на ея крики и вынулъ записную книжку, чтобы внести туда нѣсколько замѣтокъ.

Только-что я взялъ карандашъ въ руки, дѣвушка разомъ смолкла и съ выраженіемъ крайняго любопытства уставилась на меня. Я сталъ писать—подошла, наклонилась. Вѣрно, и этого ей мало показалось—просунула голову между моей головой и книжкой. Положеніе было

не изъ завидныхъ. Розовое сквозное ухо дразнило меня, а тутъ еще отъ головы пахнетъ какими-то цвѣтами, раздражающе пахнетъ. Сталь я ей показывать рисунки — усѣлась рядомъ, глаза такъ и разгораются. Бинобль увидѣла—показываетъ на него; даль я ей — возилась, возилась, чуть не заплакала, добиваясь, къ чему онъ служить. Я ей показалъ — захлопала въ ладоши и захохотала. Потомъ пенсне съ носу стащила, себѣ надѣла, да видно глаза заболѣли, какъ-то особенно уморительно заморгала и кинула прочь.. .

— Урусъ якши!.. повторила она, безцеремонно роаясь въ моей дорожной сумкѣ. Добралась до какой-то фотографической карточки... вдругъ отбросила ее прочь, точно та обожгла ей пальцы. На лицѣ страхъ, и такой искренній, что я засмѣялся опять.

Обиженно заболтала что-то по-своему, но рыться все таки не оставила.

Будь это въ другомъ мѣстѣ и при другихъ условіяхъ, я, право бы, заподозрилъ ее въ желаніи сыграть со мною сценку изъ старой библейской комедіи жены Пентефрія и Іосифа-цѣломудреннаго. Щека ея такъ соблазнительно приблизилась къ моимъ губамъ, глаза такъ задорно заглядывали въ мои! Мнѣ нужно было все самообладаніе, чтобы остаться спокойнымъ и равнодушнымъ. А тутъ еще чуть не на колѣни сѣла ко мнѣ и красивая нога изъ-подъ пальваръ видна.

Что, это наивность или „цивилизациа“?

Скорѣй первое, потому ужь очень оно непринужден-

но и безыскусственно дѣлалось. Ребенокъ сказывался въ этомъ.

Потомъ дѣйствительно оказалось, что Махласъ было только двѣнадцать лѣтъ. Какъ тутъ не стать въ тупикъ, глядя на вполнѣ разившійся станъ и задорныя алыя губы! Двѣнадцать лѣтъ! Но у нея былъ уже свой женихъ и со дня на день ожидалась свадьба. Помолвлена она двухъ лѣтъ отъ рожденія и съ тѣхъ поръ, по мѣстному еврейскому обычаю, каждую субботу посылала своему жениху фрукты или лакомство. Женихъ ея отдаривалъ тѣмъ же. Нѣсколько разъ въ годъ Махласъ дарила ему арагчинъ — изячно распитыя золотомъ и блестками ермолки, за что тотъ посылалъ ей серебряныя серьги или такія же пуговицы къ бешмету, канаусу на платьѣ и т. д. Всѣ отношенія ихъ между собою только этимъ и ограничивались.

Аруса (невѣста), встрѣтивъ жениха или его родныхъ, должна сейчасъ же присѣсть на корточки и закрыть лицо платкомъ, а за неимѣніемъ его — широкимъ рукавомъ рубахи. Арасъ (женихъ) долженъ разыграть ту же комедию и, увидя невѣсту, „застыдиться“.

— Знаешь ли ты своего жениха? спрашивалъ я потомъ Махласъ черезъ Магомадъ-оглы.

— А зачѣмъ мнѣ его знать? Я не хочу „быть масломъ въ водѣ“. Зачѣмъ знать своего араса, когда другія невѣсты тоже не знаютъ своихъ? У насъ обычай такой.

— Да какъ же вы жить-то будете?

— У него триста барановъ есть! Каждый день — лловъ

ѣсть, супъ съ курдючьимъ саломъ. Жирный такой супъ. Каждый праздникъ зурначи (музыкантъ на дудѣ) будетъ; дамрука (барабанщика) позоветъ... Танцуй хоть всю ночь... Хинкаль у него и въ будни бываетъ?

— Что это за хинкаль?

— Ва.... Вкусная вещь! Лучше сахару! Вай-вай, неужели ты не знаешь хинкаль! У васъ развѣ не умѣютъ дѣлать его? Да, впрочемъ, что же вы, русскіе, понимаете, если хинкалу не ѣдите... Вай-вай, какіе вы бѣдные... Куда же вамъ, впрочемъ, и кушать такія вещи!..

И она съ искреннимъ сожалѣніемъ качала головою, глядя меня по лицу, точно утѣшая въ великомъ несчастіи незнакомства съ хинкаломъ.

Въ тотъ же день я узналъ, что хинкакъ для смертельно голоднаго человѣка дѣйствительно недурное блюдо. Это родъ похлебки. Въ мясномъ бульонѣ варятъ четырехугольныя клецки вмѣстѣ съ уксусомъ и чеснокомъ. Истинные гастрономы прибавляютъ курдючье сало, но это ужъ роскошь. Другіе довольствуются взваромъ изъ чесноку и мяса.

— А ты кутумъ любишь? такъ-же наивно обратилась она ко мнѣ.

Кутумъ—копченая, густо просоленная рыба.

— А что?

— Вай-вай, вкусная вещь. Что лучше кутума! — И она задумалась. — Нѣтъ, шелковый бешметъ съ серебряными пуговками лучше! совершенно неожиданно заключилъ свои признанія этотъ двѣнадцати-лѣтній ребенокъ—невѣста.

Какъ я досадовалъ на свое неумѣнье рисовать! Дѣвочка сама просилась въ картину. Каждое движеніе такъ граціозно и изящно,—тѣмъ болѣе граціозно, что объ этомъ не старались. Лѣнивыя, чисто-кошачьи потягиванія, приемы, если можно такъ выразиться, округленные, и вдругъ — цѣлымъ каскадомъ сыплется дѣтскій хохотъ и изъ недавней полной нѣги женщины разомъ дѣлается попрыгунья-стрекоза, незнающая удержу своимъ шалостямъ.

III.

**Еврей-охотникъ, еврей-абрекъ —
Битва съ леопардомъ.**

ениогу!...

И Магомадъ привѣтливо поднялся на-встрѣчу пришедшему.

Махлась точно чѣмъ-то смело. За секунду была здѣсь и вдругъ ея не стало. Будто провалилась, только въ воздухѣ еще пахло цвѣтами, украшавшими ея голову, и послѣднія отзвучія серебристаго смѣха полурбенка-полуженщины дрожали въ ухахъ.

Я поднялся въ свою очередь и, признаюсь, былъ удивленъ типомъ вошедшаго хозяина духана.

Несомнѣнно — еврей, но какія благородныя черты, какое выраженіе силы и мужества въ лицѣ, какія спокойныя, полныя сознанія собственнаго достоинства движенія! Если хотите, онъ даже былъ красивъ, несмотря на крупныя черты и сѣдые волосы, — красивъ именно юношеской красотой. Ни одной морщины на лицѣ, ни малѣйшей слабости во всемъ. Держится прямо, глаза сверкаютъ весело, задорно...

Разумѣется, особенному впечатлѣнію содѣйствовалъ и костюмъ Беніогу.

Ловко спитая черкеска изъ верблюжьяго сукна плотно охватывала его стройную фигуру. Большой кинжалъ въ сафьяновыхъ ножнахъ у пояса, безъ малѣйшихъ серебряныхъ бляхъ и украшеній. За спиной — винтовка. На головѣ — папахъ. Длинный шелкъ козлиной шерсти отъ нея двумя прядями обрамливаль лицо.

Онъ съ достоинствомъ поклонился мнѣ и, проговоривъ что-то, подавъ руку.

— Благословляетъ твой приходъ въ его домъ, пояснилъ Магомадь-оглы. — Призываетъ милость Аллаха на твою голову!.. Будь здѣсь хозяиномъ... Шаломъ-алейхемъ! (будь здоровъ). Да исполнятся желанія твоей души.

Это въ духанѣ-то! Представляю себѣ, какъ бы отдалъ все въ мое распоряженіе хозяинъ еврейской корчмы гдѣ нибудь на проселкахъ могилевской губерніи...

— Тебя безъ меня принять не умѣли, продолжалъ Беніогу. — Старуха моя изъ ума выжила, а Махлась молода еще. Прости ихъ за невѣжество!.. Барухъ-габо!

И Бениогу, несмотря на усталость, взялъ самъ всё мои вещи и отнесъ ихъ въ саклю. Оттуда же онъ вытащилъ нѣсколько еще болѣе мягкихъ подушекъ и пушистый кубанскій коверъ.

— Такъ тебѣ лучше отдыхать будетъ. Не нужно ли обмыть ноги?

Я было не понялъ, въ чемъ дѣло.

Оказалось очень просто. По словамъ Магомада-оглы, Бениогу принялъ меня за ученаго—хахама, которые пользуются здѣсь громаднымъ уваженіемъ, доводящимъ до изумленія, тѣмъ болѣе, что масса горскихъ евреевъ совершенно безграмотна. Потомъ уже изъ указаній Іуды Чернаго я узналъ, что церемоніаль пріема хахама на Кавказѣ, въ еврейскихъ аулахъ, очень сложенъ. Израиль воинствующій чрезвычайно гостеприименъ, и гостеприименъ безъ корыстнаго расчета. Впослѣдствіи случалось, что хозяева искренно обижались, когда я самъ предлагалъ въ пешкешъ деньги за ночлегъ въ ихъ саклѣ. Но когда случайно заберется сюда хахамъ, то самые богатые хозяева аула и равинъ спорятъ о чести принять его у себя. Хахама вводятъ въ саклю подъ руки, и пока для его отдыха готовятъ лучшій и удобнѣйшій уголь, хозяинъ, а въ другихъ мѣстахъ и хозяйка обмываютъ ему ноги. Вслѣдъ затѣмъ въ саклю собираются старшіе и почетнѣйшіе люди аула. Каждый подаетъ гостю руки, приѣтствуя его по библейски:

— Шаломъ-алеихемъ, или барухъ-габо.

Гость такъ же церемонно отвѣчаетъ:

— Алейхемъ-шаломъ.

Бесѣда идетъ очень живо. Заставить гостя молчать— верхъ неприличія. Посѣтители смѣняются поминутно, и пока хозяинъ подаетъ угощеніе, остальные болтають, какъ сороки, выпрашивая у прїѣзжаго новости и, въ свою очередь, рассказывая ему всю подноготную аульныхъ дѣлъ. По свидѣтельству Іуды Чернаго, этимъ не ограничивается прїѣтливость хозяевъ и аула. Если гость бѣденъ и нуждается въ помощи, общество помогаетъ ему денежнымъ пособіемъ, надѣляетъ его съѣстными припасами и нѣсколько человекъ неизмѣнно провожаютъ его до слѣдующей деревни.

Не успѣли мы устроиться поудобнѣе, какъ въ дверяхъ показались двое юношей, поразительно похожихъ на Мах-ласъ. Только лица серьезнѣе, сдержаннѣе пріемы и въ глазахъ какое-то печальное выраженіе, повсемѣстно свойственное семитамъ. Это скорѣе, впрочемъ, сосредоточенность, чѣмъ печаль. Юноши болѣе похожи на арабовъ, чѣмъ на нашихъ выродившихся евреевъ.

Они остались у порога, пока ихъ не позвали.

Бениогу былъ на охотѣ съ дѣтьми. Въ одномъ изъ самыхъ сырыхъ логовъ кай-булагской щели они застрѣлили джайрана и выслѣдили леопарда. Хищникъ, рѣдкій здѣсь, только ушелъ отъ нихъ въ трупобы окрестнаго чернотѣся, гдѣ за чащей преслѣдованіе его становилось невозможнымъ. Джайрана охотники привезли съ собою и я долго любовался на красивыя формы изящнаго животнаго, безъ дыханія лежавшаго на плотно убитой землѣ веранды.

— Трудно встрѣтить джайрана внизу, еще труднѣе убить его! замѣтилъ Магомадь.

— Это ужь четвертый въ эту весну.

И Бениогу толкнулъ ногою джайрана.

— Опять показались значить?

— Да. Изъ Аваріи ихъ совсѣмъ выгнали.

— Кабановъ не встрѣчали?

— Много тутъ, въ сырыхъ мѣстахъ. Да намъ не съ руки бить ихъ.

— Русскіе дорого платять...

Бениогу слегка поморщился, но, взглянувъ на меня, сдержался и лицо разомъ стало безстрастнымъ.

Изъ гостепрѣимства горскій еврей вынесетъ все. Между русскими „ташкентцами“—чиновниками случались и такіе, что возили съ собою ветчину и колбасы, ѣли ихъ на посудѣ хозяевъ и жарили въ ихъ печкахъ. Евреи терпѣли и ни словомъ не протестовали противъ этого посягательства на ихъ религіозную совѣсть. Молчаніе ихъ вызывалось не раболѣпствомъ. Городской еврей разумѣется будетъ принижаться, но еврей горскій сумѣлъ бы отстоять свое достоинство. Горскій еврей молчалъ, чтобы „не оскорбить гостя“, и рѣшался терпѣть изъ-за этого поношеніе. Восхвалявшіе наше русское гостепрѣимство допустить ли возможность такого же отношенія, на примѣръ, нашего старообрядца къ гостю, который наполнить „мерзостнымъ“ куревомъ всю горницу? Едва ли!..

— Откуда леопардъ забрался сюда?

— Изъ Кабарды; вѣрно.

— А развѣ тамъ ихъ много?

— Немного, но встрѣчаются.

Леопарды водятся по сѣверному и южному склону Кавказскихъ горъ; они наносятъ большой вредъ мѣстнымъ хозяевамъ, забираясь въ ихъ конюшни и хлѣва, похищая овецъ и козъ. Они до того обыкновенны здѣсь, что въ мѣстечкѣ Чилмасъ, верстахъ въ четырехъ отъ р. Улу-Кама, въ Карачаѣ, убили разъ леопарда просто палкой. Вотъ, что рассказываетъ объ этомъ мѣстный уроженецъ:

У входа въ глубокое и узкое ущелье жилъ карачаевецъ Исмаиль-Бегеюль-Улу. Сакля его, по здѣшнему обычаю, построена была изъ цѣльныхъ брусевъ, составляющихъ срубъ, выведенный подъ земляную крышу. Карачаевцы — скотоводы, поэтому конюшни ихъ, находясь подъ одной кровлей съ саклей, отдѣлены отъ жилой горницы только стѣной, въ которой прорублена дверь. Въ конюшнѣ у Исмаила-Бегеюль-Улу, сверхъ того, было двое воротъ, одни выходили на р. Улу-Камъ, другіе находились въ заднемъ концѣ. Вокругъ шла каменная стѣна, образывавшая дворикъ, съ воротами также. Въ сакляхъ двери запираются деревяннымъ клиномъ, вставляемымъ изнутри въ дверной порогъ, для воротъ же употребляется не клинъ, а деревянный засовъ, для котораго по обѣимъ сторонамъ двери стоятъ столбы. Между столбами и стѣною и ходить засовъ, дѣлаемый изъ крѣпкаго и гибкаго дерева. Какъ-то ночью, когда въ саклѣ уже спали, женѣ Исмаила послышался крикъ козленка. Она встревожилась и разбудила мужа.

— Вставай скорѣе! Въ конюшнѣ звѣрь ходитъ.

— Спи! Шайтанъ тебя задави! Какой еще звѣрь пройдетъ сюда!...

Крикъ повторился и Исмаиль поневолѣ всталъ. Но опять все смолкло. Хозяинъ, обругавшись, улегся.

— Конюшня точно крѣпость, а ты тревожишься попусту.

Жена его тѣмъ не менѣе вышла. Болѣе ста штукъ козь лежало подлѣ заднихъ воротъ конюшни. Засовъ-же оказался задвинутымъ не вполнѣ, а только на половину. Ворота показались ей подавшимися внутрь.

Луна свѣтила ярко. Серебряный блескъ ея сквозь окно точно курился надъ массою стада и бѣлыми стѣнами сакли.

Женщина подошла ближе къ воротамъ и только тогда увидѣла пеструю лапу, которая, высунувшись изъ подъ порога, держала козленка. Толкнувъ ворота съ наружи, хозяйка прижала лапу, но она тотчасъ-же съ силою была выдернута вонъ. Отворивъ ворота, жена Исмаила увидѣла, что какой-то пестрый звѣрь идетъ прочь.

Воротясь обратно, она почти не задвинула засова.

— Тебѣ должно быть, привидѣлось! заключилъ Исмаиль, когда она рассказала ему обо всемъ. — Леопарды сюда еще не заходили.

Черезъ два часа въ конюшнѣ опять раздался крикъ. На этотъ разъ встревожился и Исмаиль. Взявъ винтовку, онъ вошелъ въ конюшню, сопровождаемый женою, у которой въ рукахъ былъ пучекъ горящихъ лучинъ.

На этотъ разъ всѣ козы сбились въ кучу къ переднимъ воротамъ и, дрожа, посматривали на задній конецъ конюшни. Исмаиль замѣтилъ тамъ пестрое тѣло звѣря, лежавшаго надъ полузадавленнымъ козленкомъ. Свѣтъ отлучины, блеснувъ въ глаза леопарду, заставилъ его бросить добычу и отойти къ стѣнѣ. По ней онъ сталъ цѣпляться, нища выхода. Только-что Исмаиль приложился, чтобы выстрѣлить, леопардъ бросился ему прямо на грудь. Завязалась безмолвная борьба; ни человекъ, ни звѣрь не уступали. Винтовка нечаянно выстрѣлила на воздухъ. У горца другого оружія не оставалось. Ему, наконецъ, съ большими усилиями удалось сбросить съ себя звѣря, готоваго опять на него кинуться. Не зная что дѣлать, Исмаиль направилъ дуло на хищника, который захватилъ его въ ротъ. Горецъ нѣсколько разъ ткнулъ изо всей силы въ горло и звѣрь сталъ замѣтно смириѣе, выпустивъ совершенно винтовку. Маневръ этотъ повторялся еще. Исмаиль поднесеть винтовку къ леопарду, тотъ схватить дуло въ ротъ, горецъ и давай заталкивать его въ горло. Наконецъ, леопардъ сталъ ловить зубами не конецъ ружья, а старался поймать его сбоку.

— Жаль ружья, совсѣмъ испортишь! сообразилъ Исмаиль и, бросивъ его, отыскалъ въ углу сакли деревянные вилы, которыя отъ первыхъ двухъ-трехъ ударовъ разлетѣлись въ куски.

— Принеси дубину скорѣй! крикнулъ онъ женѣ, безмолвно смотрѣвшей на эту сцену.

Та притащила первую попавшуюся палку, но и она

сломалась также. Наконецъ, Исмаиль увидѣлъ положенный поперекъ конюшни дрюкъ, которымъ и началъ кро-тить леопарда. Скоро звѣрь былъ убитъ, а на утро сняли съ него шкуру, которую потомъ показывали по всему Барачаю. Какъ оказалось, леопардъ, вторично подойдя къ воротамъ и стараясь вытащить изъ-подъ нихъ козленка, все сильнѣе нажималъ ихъ, вслѣдствіе чего засовъ выгибался, а между двумя половинами воротъ образовалось пространство, въ которое леопарду удалось понемногу протиснуться въ конюшню. Тотчасъ послѣ этого засовъ своею упругостью заставилъ ворота захлопнуться, такъ-что звѣрь очутился въ западнѣ.

„Шкура этого леопарда, говоритъ г. Петрусевищъ,—прекраснаго, свѣтло-желтаго цвѣта съ черными кольцеобразными пятнами. Отъ головы до конца хвоста онъ длиною въ три аршина съ четвертью; на кончикѣ-же хвоста роговой нарость, отличающій леопарда отъ другихъ особей изъ рода кошекъ“.

— Всегда-ли такъ безопасна встрѣча съ леопардомъ? спрашивалъ я у Беніюгу.

Тотъ только покачалъ головою.

— Леопардъ—страшный звѣрь, пояснилъ Магомадъ.—Рѣдко удастся выйти цѣлымъ, если встрѣтишься съ нимъ. Это самый сильный изъ всѣхъ горныхъ шайтановъ.

— Охотятся здѣсь за нимъ?

— Беніюгу охотился. А другіе нѣтъ. Опасно. Случится, что и выстрѣлить можно, а все-таки обойдешь его мимо. Не вяжись съ шайтаномъ—голова на плечахъ цѣлѣй будетъ...

— А Бениогу случалось уложить хоть одного!

— Бывалое дѣло. Разъ ему только звѣрь руку помялъ да плечо испарпалъ. Онъ у насъ великій охотникъ, безстрашный человекъ.

Если это и исключеніе, то все-таки замѣчательное. Еврей—великій охотникъ, еврей—безстрашный человекъ!

Бениогу оказался тоже непримиримымъ врагомъ и кавказскихъ медвѣдей, которыхъ онъ бьетъ здѣсь десятками.

Во все послѣдующее время мнѣ уже не удавалось встрѣчать такихъ закоренѣлыхъ Нимвродовъ между горскими евреями, но, по словамъ лицъ, близко знакомыхъ съ дѣломъ, Бениогу не единственное исключеніе.

Нашъ хозяинъ и не однимъ этимъ былъ славенъ въ окрестномъ населеніи.

Давно уже тому назадъ отецъ его убилъ какого-то табасаранца, задумавшаго похитить его дочь, красавицу, судя по ея брату. Воръ былъ пойманъ „съ поличнымъ“, т. е. когда онъ перекидывалъ черезъ сѣдло связанную дѣвушку. Долго не думая, Уфтахъ (отецъ Бениогу) убилъ на мѣстѣ обидчика. Собрался джамаатъ и Уфтахъ былъ объявленъ канлы. Спасаясь отъ кровомщенія, еврей ушелъ въ другой округъ, гдѣ и сдѣлался абрекомъ.

Изолированное положеніе абрека, человека внѣ кровительства законовъ, ежеминутно преслѣдуемаго и поэтому преслѣдующаго, въ свою очередь создавало удивительные типы. Прежде его типъ рисовали слѣдующимъ образомъ: Абрекъ какъ будто объявлялъ весь міръ на военномъ

положеніи. Для него уже не существовало узъ дружбы или родства. Онъ не щадилъ никого и самъ ни отъ кого не ждалъ пощады. Какъ шакаль онъ всю свою жизнь прятался по засадамъ, выглядывая оттуда жертву, чтобы самому не стать добычею другихъ. Обладая безумнымъ мужествомъ, онъ быстро дичалъ и часто становился ужасомъ на громадныхъ пространствахъ. Были абреки, десятки лѣтъ заставлявшіе трепетать окрестное населеніе. Казалось, что въ нихъ замирали всѣ человѣческія чувства. Онъ убивалъ ради наслажденія убивать. Для него не было женщины—и онъ поэтому не щадилъ женщинъ. На ребенка онъ смотрѣлъ, какъ на будущаго врага. Изгнанный своею родиной, онъ нигдѣ не находилъ ея. Одинъ изъ путешественниковъ по Аравіи описываетъ встрѣчу въ степи съ бедуиномъ, надъ которымъ тяготѣло изгнаніе и кровомщеніе, но тотъ бедуинъ былъ-бы агнцемъ въ сравненіи съ дагестанскимъ абрекомъ. На лицѣ абрека не видали улыбки. Холодный блескъ глазъ, блескъ хорошо отточенной стали, выраженіе спокойнаго равнодушія къ чужому и своему страданію, изможденные черты и вѣчная жажда крови, прорывавшаяся въ тѣ минуты, когда подъ вліяніемъ какого нибудь волненія это напускное безстрастіе сбѣгало прочь, открывая постороннему тайники глубоко-оскорбленной и до конца измучившейся души. Нужно было пережить цѣлые годы отчужденія, по мѣсяцамъ не слышать человѣческаго голоса, предполагать вездѣ убійцъ, чтобы дойти до такого холоднаго звѣрства. Во время войны съ русскими, абреки обраща-

лись и противъ насъ, и противъ своихъ. Для нихъ были единственными союзниками такіе-же изгнанники, какъ и они. Человѣкъ, надъ которымъ не виситъ мечъ, человѣкъ, знающій, что его жизни не грозитъ ничего, на совѣсти не лежитъ никакого чернаго пятна—былъ врагомъ абрека. Абрекъ былъ волкомъ между людьми и человѣкомъ среди волковъ! Абрекъ и умиралъ, убивая...

И въ то-же время, несмотря на установившійся типъ абрека, какіе великодушные порывы, какія чистыя побужденія прорывались въ этой ожесточенной природѣ! Тотъ-же Уфтахъ, убивавшій, чтобы не быть убитымъ, помогаль каждому, кто, въ правомъ дѣлѣ, обращался къ содѣйствию его сильной руки. Онъ вороваль самъ дѣвухекъ для молодыхъ людей, которымъ отцы отказывали или которые не могли внести калыма. Онъ мстиль за несправедливость, подставляя свою голову подъ ножъ или подъ пулю. Онъ разъ, безоружный, пріѣхаль въ ауль къ отцу убитаго имъ человѣка и потребоваль гостепрѣимства въ его саклѣ. Зачѣмъ? Чтобы помочь старику, о нищетѣ котораго дошли до него слухи. Абрекъ чувствовалъ себя виновнымъ въ безпомощности его и, рискуя жизнью, отдалъ тому все, что имѣль самъ. Нынѣшній типъ абрека—видоизмѣнился. О немъ мы скажемъ въ послѣдствіи.

Беніогу былъ сыномъ абрека, абрека-еврея. Понятно, что впечатлѣнія дѣтства создали и въ немъ тоже мужество, ту же горделивую смѣлость. Онъ-бы не задумался сдѣлаться грудь съ грудью съ сбидчикомъ, не отступилъ бы передъ чужою угрозой. Въ немъ жили такіе порывы

страсти, такая жажда сильныхъ ощущенийъ, какія были бы по плечу развѣ средневѣковому рыцарю.

Откуда-то сильно пахло гіацинтами. За саклей звонко распѣвала Махласъ, переключаясь съ братьями. Обѣдъ, къ которому была изжарена часть джайрана, приправленный хорошимъ виномъ, пришелъ къ концу.

— Что-жь, пора? обратился ко мнѣ Магомадь-оглы.

— Куда-жь торопиться? Развѣ тебѣ здѣсь нехорошо?

Старикъ прищурился на солнце, сверкавшее сквозь виноградныя сѣти. Зѣвнулъ.

— Вечеромъ можемъ выѣхать.

— Тогда придется заночевать въ пустомъ аулѣ.

— Въ какомъ это?

— Да тутъ по дорогѣ. Всѣ, кто жилъ въ немъ, выселились въ Турцію.

— Переночуемъ и тамъ.

Сѣрая ящерица быстро пробѣжала по земляному полу галерейки, оставляя за собою извилистый слѣдъ и какъ-то широко разставляя лапки. Еще быстрѣй мелькнуло мимо красивое лицо Махласъ, обдавъ меня на бѣгу цѣлымъ водопадомъ огневыхъ взглядовъ. Вонъ ея голосъ замираетъ уже гдѣ-то далеко-далеко. Точно какія-то музыкальныя ноты относить вѣтеръ въ сторону. А солнце еще ярче пронизываетъ колеблющуюся стѣну виноградныхъ лозъ, еще изумруднѣе...

Сильнѣе пахнетъ жасминами и гіацинтами.

Чувствуешь, какъ кровь приливаетъ къ вискамъ отъ этого одуряющаго запаха.

— Куда ты ѣдешь теперь? обратилась ко мнѣ Махлась.

— Далеко!

— Въ большіе аулы? А тамъ, должно быть, весело, въ большихъ аулахъ. Сказываютъ, дома тамъ до неба, а башни такъ выше неба.

— А тебѣ тоже хотѣлось-бы туда?

— Еще-бы. Здѣсь скучно. Братья все уѣзжаютъ. Одна старуха тетка, да и та больше ругается да дерется.

— Вотъ замужъ пойдешь, тогда попроси мужа въ Тифлисъ тебя свезти.

— А что такое Тифлисъ?

— Большой аулъ.

— Оттуда къ намъ шелковыя платья возятъ? И кольца оттуда? Вотъ хорошо, должно быть, тамъ. Только въ большихъ аулахъ, говорятъ, и большіе начальники есть. Впрочемъ, бояться нечего. У меня мужъ будетъ богатый. Двѣсти барановъ у него.

Вскорѣ жара спала. Я простился съ гостепріимными хозяевами и пустился въ путь. Махлась долго провожала меня глазами.

— Какъ здѣшніе евреи ладятъ съ русскими? спросилъ я Магому.

— Они горцевъ больше держатся. Русскіе хуже ихъ. Русскіе и деньги больше ихъ любятъ. Русскіе „расхаживаютъ теперь на нашей головѣ“.

— Да развѣ вамъ при русскихъ хуже, чѣмъ прежде, что вы проклинаете насъ?

— Какъ тебѣ сказать? Прежде, положимъ, и не такъ безопасно было. Ни шамхалы тарковскіе, ни уцмїи кайтагскіе, ни ханы казикумухскіе не обращались съ нами такъ. Но тѣ были орлы между орлами. Хоть и заклевывали, да все-же свои. А теперь вотъ солдаты править у насъ всѣмъ. Въ курятникъ сѣсть коршуна вѣдь не загопишь, хоть тамъ и проса вдоволь! Опять-же Аллахъ знаетъ, что у васъ на умѣ. Слыханное-ли это дѣло, чтобъ побѣдители такъ обращались съ покоренными? Вы насъ не грабите, не уводите дѣтей и женъ нашихъ въ плѣнъ—значить еще что-нибудь болѣе страшное задумали. Значить тутъ есть хитрость какая-то. Не дураки-же мы, чтобы не понять этого. Въ аулѣ всякій мальчишка знаетъ, что русскіе задумали какое-то дурное дѣло и хотятъ усыпить насъ теперь, чтобы въ распахъ забрать! Теперь въ одномъ аулѣ хлѣба не хватило—русскіе хлѣба дали. Развѣ враги такъ дѣлають с проста? Прежде аулъ разсѣялся-бы по всему Дагестану подаванія собирать, а тутъ на мѣстахъ остались. Нѣтъ, насъ этимъ не обманешь. Вы вонъ и „сихру“ *) знаете. Вы, какъ древніе пираваны (фараоны), чудеса колдовствомъ дѣлаете. Неужели-же такіе „величайшіе грѣшники“ на добро способны? Мы, разумѣется, будемъ жить мирно, пока вы своего хвоста не покажете. Оставьте намъ оружіе и не берите насъ только въ солдаты.

---

*) Сихра—наука, дающая средства все узнавать и все дѣлать.

— А если и васъ стануть въ войска записывать?

— Всѣ уйдемъ въ Турцію. Мы любимъ свои аулы. На нѣсколько дней уѣдешь—и то тоска беретъ, но если на насъ пинель надѣнуть, мы уйдемъ отъ васъ.

Это я зналъ и безъ Магомада-оглы. Еще Гаджи-Мурадъ-Амировъ въ 1873 году рассказывалъ, что только одни слухи о запрещеніи носить оружіе и о рекрутскомъ наборѣ заставляють горцевъ массами переселяться въ Турцію, не смотря на ихъ рѣдкую привязанность къ родинѣ. „Въ ихъ глазахъ передъ солдатской службой самый адъ—ничто, хотя мухамеданское пекло похуже дантовскаго“.

Вотъ какъ, напримѣръ, плакался одинъ переселявшійся въ Турцію:

— Меня не ждуть тамъ богатство и радость, но если-бы и ждали, то и тогда я не былъ-бы счастливъ. Да и можно-ли быть счастливымъ, когда человекъ покинулъ родной аулъ, своихъ соотечественниковъ, друзей и родныхъ; когда не имѣешь возможности посѣщать могилы своихъ отцовъ въ пятницу и въ день великаго байрама и сидѣть въ кумаѣ надосугѣ!..

И, зная, что ихъ встрѣтить тамъ нищета, они все-таки уходятъ сотнями и тысячами.

IV.

Оставленный ауль.

а окрестныя горы ложатся синія тѣни
вечера.

По мѣстному еврейскому обычаю
Беніогу отправилъ двухъ своихъ сы-
новей сопровождать насъ до ночлега.

Молодежь весело перекликается,
забавляясь эхомъ, болтаетъ съ важ-
нымъ и серьезнымъ Магомадь-оглы
и на скаку стрѣляетъ въ ласточекъ,
закружившихся въ воздухѣ.

Мы едва пробираемся по дну
Кай-булагской щели. Направо и на-
лѣво, то стѣсня насъ, такъ что мы
проѣзжаемъ гуськомъ, то расширя-
ясь, высятся почти отвѣсныя стѣны.

Зелень треплется на нихъ рѣдкими пятнами, горбины
и плоскости камня изорваны черными трещинами, гдѣ
гнѣздятся ящерицы и до сумерекъ неподвижно держатся

сѣрыя совы. Внизу, по самому дну щели, едва едва сочится вода, съ камня на камень, съ уступа на уступъ, чистая, холодная.

— Гдѣ-же это грохотъ воды слышится? заинтересовался я.

— А другой большой рукавъ есть. Онъ вонъ въ ту косую щель ушелъ, тамъ и бурлить, ворочая камни.

Въ одномъ мѣстѣ намъ пришлось проѣхать сквозь небольшой каскадъ. Щель тутъ суживалась, такъ что издали казалось невозможнымъ пробраться въ это игольное ушко. Мы направились туда гуськомъ. Тамъ, въ этой скважинѣ, сверху внизъ обильнымъ дождемъ сыпался ручей студеной воды. Насъ обдало съ ногъ до головы, потому что свернуть было некуда.

— Какъ не отведуть ручья куда-нибудь въ сторону? замѣтилъ я.

— Христіане не позволяютъ. Захотѣли мы разъ очистить дорогу—столько шуму вышло!

— Это отчего?

— Да, говорятъ, св. Нина нарочно ручей этотъ пустила. Креститься не хотѣли здѣшніе евреи, ну, такъ она и сдѣлала чудо — кто ни проѣдетъ, всѣхъ этою водою окрестить. Хочешь, не хочешь, а брызнетъ. Поневолѣ! Прежде евреи этой дорогой вовсе не ѣздили. Горами шли.

— Это неправда! вставилъ Магомадъ-оглы. — Дѣло иначе было. Окрестный народъ давно-давно креститься вздумалъ. Только рѣки не было такой, чтобы въ нее погрузиться могли. Ну, св. Нина и велѣла этому ручью

выйти. Кто хотѣлъ крещеніе принять, проѣзжалъ Кай-булагскою щелью. Святой ручей называется.

Христіанскія преданія живутъ еще въ этой давно ому-сульманившейся странѣ. Развалины христіанскихъ храмовъ встрѣчаются повсемѣстно и окрестное населеніе относится къ нимъ съ суевѣрнымъ страхомъ. Шамиль хотѣлъ-было черезъ своихъ муллъ уничтожить эти развалины, но ни проповѣди, ни приказанія имама не могли побудить народъ разбросать уже нестройныя глыбы тесаного камня, разбить слѣды алтарей и истребить кресты, оставшіеся на стѣнахъ. Народъ боялся мщенія Миріамъ и вѣрилъ, что, разоривъ остатки храмовъ, онъ озлобитъ горныхъ духовъ, живущихъ въ этихъ красивыхъ руинахъ. Какъ-бы ни была плоха погода, иди хоть проливной дождь, мусульманинъ не станетъ искать защиты подъ кровлями и сводами этихъ церквей. Мнѣ не удалось видѣть самому ихъ, но рассказы окрестныхъ жителей рисуютъ необычайно дикія картины горныхъ трущобъ, гдѣ таятся развалины. Въ нихъ только и находятъ убѣжище смѣлый разбойникъ, которому гораздо страшнѣе погоня нукеровъ, чѣмъ обители горнаго духа. Туда-же забираются молодыя пары, играющія свадьбы „уводомъ“. Евреи относятся къ этимъ храмамъ съ меньшимъ страхомъ, но все-же трогать ихъ не рѣшаются. Вообще кавказскій горный еврей не питаетъ вражды къ христіанству. Невѣжественныя равнины его, поддерживая только обрядности Моисеева закона, чужды фанатизма и исключительности остального Израиля. Кромѣ христіанскихъ храмовъ, осо-

бенно уважаются древнія священныя рощи. Въ ихъ заповѣдную глушь проникають съ религіознымъ благоговѣніемъ. Тутъ царить вѣчное молчаніе и громкій голосъ человѣка не осмѣливается рѣзко нарушать этого спокойнаго сна вѣковѣчныхъ великановъ переживавшихъ цѣлыя племена, давно исчезнувшія съ лица Кавказа передъ нашествіемъ болѣе сильныхъ и мужественныхъ дружинъ. Въ тѣни этихъ великановъ нѣкогда воздвигались капища невѣдомымъ богамъ, потомъ древніе семиты до-Моисеевой эпохи совершали здѣсь свои таинственныя служенія. Наконецъ, тутъ-же царилъ культъ Молоха до тѣхъ поръ, пока эти священныя рощи не огласились гимнами христіанскихъ проповѣдниковъ, смѣненныхъ; въ свою очередь, проповѣдниками и вождями ислама. Такъ-же молчаливы, какъ тогда, такъ и теперь, заповѣдныя дубровы и такой-же покой царитъ подъ ихъ сводами. Солнце рѣдко проникаетъ въ сырыя чащи, гдѣ только шорохъ дикаго звѣря да робкое пѣніе мелкой лѣсной пташки оживляютъ безмолвныя могилы павшихъ религій и исчезнувшихъ народовъ.

Часто на днѣ Кай-булагской щели лежали громадныя скалы, сорвавшіяся сверху. Обѣзжать ихъ было трудно и не безопасно. Въ одномъ мѣстѣ недавно оборвавшійся утесъ стѣной перегородилъ дорогу. Пришлось спѣшиться съ лошадей, взять ихъ подъ уздцы и съ трудомъ, медленно переправить ихъ на другую сторону, рискуя на каждой пядени камня, и особенно при спускахъ, сломать ногу коню или себѣ—шею. А тамъ опять новый

сюрпризъ. По вѣтру насъ обдало невыразимымъ смрадомъ. Магомадъ-оглы, и тотъ закрылъ носъ. Мнѣ трудно было дышать, но пришлось пересилить отвращеніе. Въ одной изъ тѣснинъ оказался разлагающійся трущъ лошади. Цѣлая стая воронья разомъ поднялась, точно вспыхнула, когда мы подѣхали къ этому неожиданному препятствію. Сверху доносились къ намъ пронзительные крики потревоженныхъ хищниковъ, въ боковой тѣснинѣ вылъ голодный шакаль, а впереди уже сгущались сѣрые клубы ночной мглы, заполняя всю щель.

— Пожалуй, и ночь скоро?

— Да. Ущелью конецъ не далеко.

— Значить, еще засвѣтло доберемся.

Мгла становилась все гуще и гуще, рѣдѣя на болѣе широкихъ площадкахъ.

Евреи запѣли унылую пѣсню, странно гармонировавшую съ пустынной и мрачной обстановкой ущелья. Точно въ хоръ этому меланхолическому рокоту воды по дну тѣснины раздавался шелестъ вѣтра, лѣнливо пробиравшася сквозь кай-булагскіе дефилеи къ счастливой и только-что оставленной нами долиинѣ.

Мои спутники—дѣти Беніогу — были изъ числа „образованныхъ евреевъ.“

Здѣсь, гдѣ масса Израиля невѣжественна до крайности, умѣніе читать уже считалось образованіемъ. По словамъ Іуды Чернаго, въ древности среди кавказскихъ евреевъ было много ученыхъ. Даже талмудскіе толкователи Нахумъ Гамабай, т. е. мидійскій, жилъ въ старой Шемахѣ

въ Ширванѣ и Симонъ Шафрo т. е. ученый, писатель, родился въ Дербентѣ. Въ то время народъ находился на гораздо высшей степени умственнаго развитія. Иудѣ Черному только въ Дербентѣ попался равинъ, знающій древне-еврейскій языкъ, остальные равины не имѣли о немъ и понятія.

— Знаете-ли вы говорить по древне-еврейски?

— Моя амлярець (я неграмотный), отвѣчали ему всюду.

Большинство евреевъ не знаютъ и мѣстной грамоты, почему они зависятъ отъ мусульманскихъ муллъ, которые пишутъ имъ письма и разныя бумаги. За это муллы получаютъ отъ общества годовое жалованье. Вообще ни евреи къ мусульманамъ, ни мусульмане къ евреямъ не чувствуютъ здѣсь никакой вражды. Они отлично уживаются другъ съ другомъ, причемъ татаринъ съ гораздо большимъ пренебреженіемъ относится къ христіанину, чѣмъ къ еврею. Солидарность, существующая между муллами и евреями, дсказываетъ, что здѣсь неизвѣстно кагальное устройство, подтачивающее народное благосостояніе западнаго края къ выгодѣ тамошняго израиля. Евреи на Кавказѣ, и именно горскіе: то, чѣмъ они должны были-бы быть вездѣ, не обособленная, въ исключительное положеніе поставленная община, а полноправные, сливающіеся съ общою массою населенія люди, полезные труженики и производители. У насъ еврей-земледѣлецъ—нѣчто вродѣ сіамскихъ близнецовъ, двухголоваго соловья и другихъ чудесъ. Тамъ евреи занимаются

мареноводствомъ, воздѣлываютъ фруктовые и виноградные сады, для чего не довольствуются собственными землями, но, расширяя свое хозяйство, арендуютъ участки у окрестныхъ владѣльцевъ. Они-же разводятъ низкіе сорта табака, выдѣлываютъ превосходное оружіе, а въ послѣднее время въ широкихъ размѣрахъ занялись овцеводствомъ. Если хотите, и наши евреи занимаются тѣмъ-же, но черезъ рабочихъ крестьянъ. Черный трудъ имъ не по душѣ. Кавказкій еврей вездѣ работаетъ самъ, и съ заступомъ, и съ мотыкой, и съ киркой. Поэтому они и на видъ смотрятъ молодцами и красавцами, и окрестное мусульманство къ нимъ относится съ полнымъ уваженіемъ, и въ грязи страстей не гнѣютъ и ростовщицествомъ и гешефтомъ не занимаются, въ виду болѣе производительнаго и честнаго труда. Не ясно-ли, какъ глупо упрекать израиля, что высасываніе жизненныхъ соковъ изъ окрестной среды въ крови у него, что еврей — ростовщикъ и плутъ по природѣ? Такимъ онъ является только тамъ, гдѣ цѣлые вѣка его терзали отчужденіемъ, давили презрѣніемъ, силачивая въ немъ искусственно страшную силу племеннаго эгоизма и прививая къ нему кагалныя добродѣтели. Тамъ, гдѣ евреи жили въ иныхъ условіяхъ, какъ, напр., на Кавказѣ, они являются и честными, и полезными людьми. Весь народъ дурнымъ не можетъ быть, а только дурные люди могутъ кидать тѣнь на массы.

Еврейскія училища здѣсь помѣщаются въ сакляхъ близъ синагогъ. Несмотря на незначительное число уча-

щихя (по 15 на 200 домов), сакли и тѣсны, и грязны. „Равинѣ сидитъ на землѣ и на коврѣ, а вокругъ всѣ мальчишки. Вмѣстѣ съ своимъ учителемъ они киваютъ головой, читая молитвы или библію. Печатныя еврейскія азбуки у нихъ рѣдко бываютъ, большею частію равнины рисуютъ на таблицахъ буквы, алфавиты и дѣти учатся читать и писать съ этихъ прописей. Всѣ они пишутъ на колѣнѣхъ, по мусульманскому способу, къ чему такъ привыкаютъ, что на столѣ имъ работать и трудно, и неудобно. Самое большое училище находится въ Дербентѣ; оно и чисто и просторно. Оканчивающіе здѣсь курсъ получаютъ свидѣтельство на званіе равина или рѣвника. Остальныя-же школы въ Грозномъ, Хасавъ-Юртѣ, Темиръ-ханъ-Шурѣ и деревняхъ въ весьма жалкомъ видѣ.“

Кай-булагская щель какъ разомъ началась, такъ-же разомъ и кончилась узкимъ выходомъ въ нагорную долину.

Мы оставили внизу густые туманы понизей и по узкой тропинкѣ поднялись на ближайшую вершину. Ясный мѣсяцъ уже стоялъ надъ плоскогорьемъ, серебрившимся вдали; серебрилась и мгла внизу, серебрились и скалы подъ его ласковыми лучами. Только глубокія долины казались черными падами тамъ, гдѣ туманъ не заполонялъ ихъ совсѣмъ.

— Хорошій ауль былъ!

— Что, гдѣ? опомнился я.

— Куда ѣдемъ... Большой ауль былъ... Теперь пустьъ.

— Неужели никого не осталось?

— Ну! Кому и быть? Цѣлымъ джамаатомъ поднялись люди и пошли. Большая часть саклей разрушена теперь, другія сожжены.

— Кто-жь ихъ жегъ,— горцы?

— Горцы?—И Магомадь-оглы съ негодованіемъ оглянулся на меня.—Развѣ мы станемъ жечь колыбели нашихъ дѣтей и могилы своихъ отцовъ? Подъ этими кровлями росли мы сами, кто-жь рѣшится уничтожать ихъ? Пусть вѣтеръ да дождь уничтожаютъ, пусть ихъ время рушить. Старость для всякаго есть, какъ для человѣка, такъ и для сакли!.. Нѣтъ... во время войны сожжено... Много ауловъ сожжено было... Аулы уничтожены, разрушены, сожжены... А тѣ, кто жилъ въ нихъ, давно на чужбинѣ, и ни слѣда отъ нихъ, точно ихъ и не было.

Только десятая часть выселившихся въ Турцію горцевъ осталась въ живыхъ. Все остальное погибло разсѣянное, изголодавшееся. Ни въ чьихъ преданіяхъ, ни въ чьей пѣснѣ не останется памяти объ исчезнувшемъ народѣ, и скоро, проходя мимо его могилъ, мимо этихъ безмолвныхъ и безлюдныхъ ауловъ, никто не будетъ знать, какая жизнь кипѣла на этихъ обрывахъ, подъ этими плоскими кровлями, какія сердца бились тамъ и какихъ суровыхъ драмъ были молчаливыми свидѣтелями эти раскидистые дубы и каштаны. А между тѣмъ легендой безъ словъ, духомъ легенды вѣютъ эти каменные вершины, такъ красиво вырѣзавшіяся на лунномъ свѣтѣ, эти темныя и сѣрыя ущелья, эти заповѣдныя лѣса. И только

когда изъ массы дикой поросли вдругъ вырвется неожидан-но благоухающій розовый кустъ и аромать бѣлыхъ ли-лій встрѣтитъ васъ въ чащѣ боярышника и плюща,—вы поймете, что здѣсь когда-то жило цѣлое племя, сильное и мужественное,— племя, разомъ исчезнувшее съ лица земли, какъ исчезаетъ дымъ, разсѣваемый вѣтромъ, какъ исчезаетъ тѣнь отъ тучки, пробѣжавшей по небу, какъ исчезаетъ зыбь на морскомъ просторѣ. И тихо колыхатся эти чудные цвѣты, и едва-едва шелеститъ ихъ листва, точно робко жалуется она вамъ на эту стихійную смерть, смерть цѣлаго народа.

Тропинка круто свернула направо—теперь намъ при-шлося ѣхать въ тѣни. Лунный свѣтъ ярко билъ на об-рывистый спускъ съ горы, вырывая его изъ мрака. Въ одномъ мѣстѣ онъ дѣлался отвѣснымъ. Громадныя массы камня, точно сложеннаго здѣсь циклопическою стѣною, падали внизъ вертикально, серебрясь и выступая на свѣтъ каждою своей выпуклиной, каждымъ угломъ и изломомъ. Отвѣсная стѣна скоро переходила въ выпуклую, она уже висѣла надъ долиною. Страшно было смотрѣть на эту горбину, думалось—вотъ-вотъ и она рухнетъ внизъ всею своею грузною, тяжелою массой. И вдругъ я при остано-вилъ коня и съ чувствомъ, близкимъ къ восторгу, уста-вился на эту твердыню.

Прямо на ней, на этой горбинѣ, *висѣвшей* надъ до-линою, точно гнѣзда ласточекъ *висѣли* сакли. Кто и какъ ихъ прилѣпилъ сюда? Голова кружилась еще внизу, что-же должно быть тамъ, на этомъ словно вздрагивающемъ

карнизъ? Прямо съ отвѣса горы выступала плоская кровля и упиралась въ такой-же выступъ пола. Кровля подерживалась деревянными столбами, полъ былъ утвержденъ на балясинахъ, укрѣпленныхъ вкось въ разщелины скалы. Это была только галерея, веранда, балконъ. И такихъ балконовъ были сотни—прямо изъ горы, прямо на отвѣсѣ. Самое жилье или выдолблено въ скалѣ, въ отвѣсѣ, или вровень со стѣною отвѣса возведено надъ карнизомъ. Ласточкины гнѣзда подъ кровлей колокольни, гнѣзда, свитыя на стѣнахъ развалинъ, жилье какихъ-то воздушныхъ существъ, птицъ что-ли,—короче, что хотите, только не аулъ, не село, не обитель человѣка. Что-то волшебное, призрачное, одурающее, что-то похожее на сонъ, далекое отъ дѣйствительности. А этотъ лунный блескъ, выхватывающій ласточкины гнѣзда изъ мрака, этотъ лунный свѣтъ, который точно курится на ихъ плоскихъ кровляхъ, свѣтъ, обращающій деревянныя жерди въ серебряныя колонны, разщелившійся камень—въ матовыя глыбы, свѣтъ, на которомъ только черными трещинами или зѣвами кажутся входы въ сакли и окна ихъ. А еще выше, надъ этимъ воздушнымъ ауломъ, надъ этими гнѣздами, унизавшими выдавшійся карнизъ, величаво дремлютъ голубоватыя вершины горъ, подернутыхъ серебряною пылью, крутыя, безлюдныя, скалистыя. Едва-едва ложатся на нихъ тѣни отъ впадинъ и склоновъ, но этотъ общій колоритъ безъ оттѣнковъ, однообразный, рисующій только ихъ профили, дѣлаетъ ихъ еще величавѣе, еще грандіознѣе.

Смотришь — и тянетъ туда, и манить, и въ то-же время кружатся голова и замираетъ сердце. И чудно-очаровательнымъ кажется царство этой лазурно-серебряной ночи. И жаль дернуть уздечку, жаль ступить впередъ на шагъ, жаль потерять изъ глазъ этотъ поэтический сонъ!.. Вѣдь знаешь, что съ новымъ поворотомъ такой-же величаво-прекрасный пейзажъ развернется передъ тобою, но больно расстаться съ этимъ, къ которому привязалось сердце, какъ будетъ больно расстаться съ тѣмъ, который встрѣтитъ меня на поворотѣ.

— Что это?.. Какой ауль?

— Тамъ ночевать будемъ.

— Значить, это-то и есть безлюдный, оставленный поселокъ?

Магомадъ-оглы кивнулъ головой.

Идти туда, въ эту могилу исчезнувшаго народа? Да, это достойный памятникъ ему, грандіозный мавзолей эти гордыя, траурныя вершины!

И вѣдь нигдѣ ни звука. Точно притаилась ночь и ждетъ чего-то. Точно вся замершая отъ восторга, любитса окрестность на яркій мѣсяць, а мѣсяць, весь исходя лучами, любитса на нее. И смотрятъ они въ глаза другъ другу, и нѣтъ предѣла ихъ красотѣ, нѣтъ конца ихъ поэтическому счастью.

Прошелъ часъ — мы все ѣхали, прошелъ другой — тоже! А ауль все тамъ-же лѣжится въ сторонѣ. Какъ-то мы доберемся до него, какъ?

Ничего теперь ясно не помню. Точно сонъ видѣлъ и позабылъ его.

Представляется только мнѣ, какъ мы зигзагами подымались вверхъ по горѣ, то направо, то налево. Точно въ туманѣ видится впереди фигура Магомадь-оглы, то сливающаяся съ контурами окрестныхъ скалъ, то вся выступающая на лунный свѣтъ, сторбленная на малорослой, горской лошаденкѣ, стукъ копытъ которой дробится въ ухахъ, одинъ нарушая мертвое безмолвіе пустыни, окружавшей насъ. Евреи давно отстали и вернулись домой; въ горахъ я былъ одинъ, — одинъ съ моимъ молчаливымъ спутникомъ, плотно завернувшимся въ бурку. Мнѣ тоже не хотѣлось говорить, за то думалось и грезилось много.

Помню только, что по сторонамъ зіяли бездны; тамъ курился бѣлый паръ. Какое-то озеро блеснуло и опять снова покрылось тьмою, новые клубы мглы захоронили его. Чортъ, знаетъ, что за скалы вставали передъ нами, точно сторожевые великаны, преграждавшіе путь къ сокровищамъ или заколдованнымъ долинамъ.

Подымались, подымались, и когда я опомнился, когда я оглядѣлся, оказалось, что ауль, ласточкины гнѣзда, дразнившія воображеніе тамъ снизу, оказались далеко подъ моими ногами, далеко такъ, что ихъ и разобрать было трудно; только напрягая зрѣніе, я различалъ плоскіе четырехъугольники кровель, блиставшіе точно серебряныя дощечки. Мы, слѣдовательно, зигзагами поднялись выше аула, выше тѣхъ скалъ, на которыхъ лѣпятся его воздушныя сакли.

Нужно было спуститься вниз осторожно, медленно, соразмѣряя каждый шагъ лошади.

Крутизна была необычайная.

Конь почти сползаль на переднихъ ногахъ, вытянутыхъ и упиравшихся на всякую неровность по дорогѣ. Онъ поминутно храпѣль и помахиваль головою, точно предупреждая меня объ опасности. А дѣйствительно, промахнись тутъ только—и костей-бы не собрать!.. Даже страшно было долго смотрѣть внизъ. Тутъ начинались откосы, о которыхъ говорилъ я, и пропасть, точно пасть какого-то чудовищнаго, сказочнаго звѣря, зѣла подъ нами, безопадная, поджидающая, притаившаяся, оскалившая свои зубы—утесы, словно челюсть расположенные по ея окраинамъ. Теперь приходятъ сравненія въ голову, а тогда не до того было. Просто замерло все и упало внутри. Даже Магомадъ-оглы, на что ужъ человѣкъ привычный, а и тотъ уткнулся въ свою бурку и ни слова!.. Значить, и ему жутко стало, и ему, старому горному волку, не по-себѣ.

Наконецъ, мы поѣхали вдоль карниза.

Встревожили горнаго орла, мирно отдыхавшаго въ выбоинѣ стараго утеса. Подняль недоумѣло голову старый хищникъ и, подпустивъ насъ шаговъ на пять, медленно расправиль крылья и грузно поднялся на ближайшую скалу, откуда долго еще провожалъ насъ его недовольный клекоть.

Въ одномъ мѣстѣ тропинка разрывалась. По карнизу прошла трещина поперегъ его. Вотъ-бы тутъ въ туманѣ

или когда туча на утесъ уляжется, спокойная и непроглядная, — бѣда! Трещина шириною аршина полтора, внизу—пропасть. Конь подобрался и какъ-то бокомъ перешелъ ее. Я даже и не смотрѣлъ внизъ—голова могла закружиться. Карнизъ-то, какъ оказывается, висѣлъ надъ бездной, выдвигаясь сплошнымъ, большею частью, плитнякомъ. Точно мы въ магометанскій рай пробирались по узкому, какъ остріе сабли, мосту. Наконецъ, прямо передъ нами блеснули мазанки и сакли оставленнаго аула, точно кладбище, безмолвныя и печальныя. Ни собаки, ни человѣка. Только въ камняхъ шуршитъ змѣя да сброшенные копытами нашихъ лошадей камни пересчитываютъ всю неровность откоса, дробясь на тысячу сухихъ, словно щелкающихъ звуковъ.

— Смотри, не попади съ лошадыю куда-нибудь въ саклю. Ненадежныя сакли-то. Кое-гдѣ устои распатались. Пожалуй, еще рухнешь внизъ вмѣстѣ съ саклей!

Мы добрались до сравнительно широкой площадки. Посрединѣ была куча камней и мусора. Изъ нея приподымалась только половина разрушенной башни.

— Мечеть была, сухо проговорилъ Магомадь-оглы. — Ваши взорвали. Вонъ что осталось, махнулъ онъ рукою на щебенъ и камни, сумрачно отвертываясь отъ меня въ сторону. Вѣдь во мнѣ все-таки являлся передъ нимъ одинъ изъ исконныхъ враговъ его народа, одинъ изъ тѣхъ счастливыхъ побѣдителей, что разрушили его мечети, истребили и сожгли его аулы, а братьевъ его изгнали на далекую, непривѣтливую чужбину. Этого и

горское гостепріимство выдержать не могло. Понятно, что и Магомадь-оглы, подъ вліяніемъ разомъ нахлынувшихъ впечатлѣній, не хотѣлъ говорить со мною.

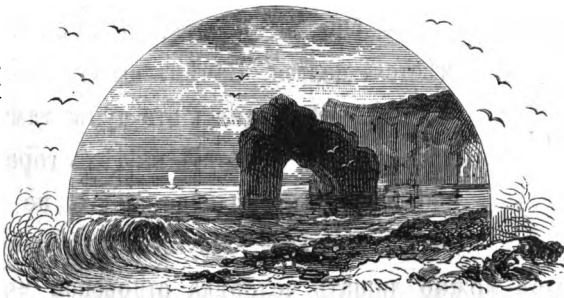
Внизу и рядомъ лѣпились ласточкины гнѣзда—сакли... Вверху возносились въ недосыгаемую высь гордыя вершины. А мы, точно мухи, цѣплялись по этимъ откосамъ.

Наконецъ, мѣсто для лошадей найдено, хоть имъ до утра придется довольствоваться только тѣмъ сѣномъ, которое было съ нами.

Ихъ нельзя было стреножить и пустить. Оборвались-бы въ пропасть. Мы сами чувствовали себя не совсѣмъ бодро. Хоть гора эта и карнизы ея держатся цѣлые вѣка, но сообразивъ, какъ они висятъ надъ бездоннымъ проваломъ, я невольно задумался:

„А что, какъ сорвемся и съ этими ласточкиными гнѣздами, и съ этимъ ненадежнымъ пьедесталомъ аула?“

Мы, дѣйствительно, были уже въ оставленномъ аулѣ.

V.

Изгнанникъ.

Огатый ауль былъ большой!.. Должно быть, Аллахъ прогнѣвался, что предалъ его въ руки невѣрныхъ.

— Да развѣ можно жить на такихъ кручахъ?

— Орель можетъ, а курицѣ, разумѣется, нельзя. Зачѣмъ вы выгоняли насъ отсюда? Вѣдь занять эти аулы вамъ и думать нечего, работать на тѣхъ горахъ, гдѣ работали мы, вы еще долго не будете, да и не умѣете. Неужели изъ одной зло-

бы?.. Развѣ можно лишать человѣка отцовской могилы и колыбели его ребенка?

Меня поставило въ тупикъ расположеніе аула.

За той площадкой, гдѣ мы оставили лошадей, не было доступа въ сакли, примыкавшія задними своими стѣнами прямо къ горной породѣ. Сакли лѣпились по отвѣсу,—понятно, что переходъ изъ одной въ другую былъ невозможенъ. Сверхъ того были сакли, построенныя на другихъ. Кровля нижней сакли служитъ поломъ для верхней, а эта, въ свою очередь, подпираетъ третью. Въ одномъ мѣстѣ было пять ярусовъ такихъ сакель. Были и не отдѣльныя, а четырехъ и трех-этажныя сакли, принадлежавшія одному хозяйству.

— Какъ-же тутъ проходили?

— А по кровлямъ.

Въ кровляхъ оказались большія отверстія, сквозь которыя проникали внутрь сакли. Въ сакляхъ двухъ-ярусныхъ сначала нужно было попасть въ верхнюю, а оттуда уже сквозь дыру въ полу ея—въ нижнюю. Переходы становились еще болѣе сложными тамъ, гдѣ приходилось опускаться въ пятую саклю, перейдя всѣ четыре верхнія. Понятно, что только пѣшеходы могли попадать сюда. Это, впрочемъ, оказалось только предмѣстьемъ аула. Большая часть его разбросана внизу.

Отсюда можно было разсмотрѣть только силуэты двухъ круглыхъ башенъ и какія-то груды стѣнъ.

— Отчего-же туда мы не пробрались?

— Негдѣ.

— Во всякомъ случаѣ, тамъ удобнѣе.

— Молчи, ради Аллаха! Тамъ все выжжено, истреблено, уничтожено.

Дѣйствительно, на другой день мы проѣзжали мимо этихъ развалинъ, которыя уже захватываетъ обильная поросль въ свои задушающія объятія. Сквозь груды щебня пробивается боярышникъ, дикія лозы взбѣгаютъ вверхъ по башенкамъ сакель и опускаютъ внутрь, сквозь ихъ пробитыя кровли, своя цѣпкія, змѣистыя вѣтви. Кизиль, лавро-вишни и барбарисы подступаютъ все ближе и ближе изъ окрестныхъ лѣсовъ, словно враждебная армія, желающая захватить въ свое сплоченное кольцо жалкую и разоренную дружину противника—оставленные сады, гдѣ еще толпятся, сбившись въ кучу, хурма, инжиръ, черешня, айва и персики. Виноградныя плантаціи одичали кругомъ и заполонены сорными травами. На небольшихъ площадкахъ, отвоеванныхъ у горъ, хлѣбные посѣвы прежняго аула заглохли и только остатки пригаціонныхъ работъ еще попадаются порою, свидѣтельствуя, что здѣсь далеко не дикари жили, а трудились и измышляли свободное племя, застигнутое нами въ періодъ его среднихъ вѣковъ. На восточномъ берегу Чернаго моря, уадыге, цивилизація стояла на гораздо нисшей степени развитія, но и тамъ, напримѣръ обработка земли нисколько не уступала нашей отечественной. Вотъ что, напримѣръ, говорятъ путешественники: черкесы мастера обращаться съ своими полями. Обработанныя ими мѣста мудро обрабатывать кому-либо другому. Они лѣпятся, большею частью, на возвышенныхъ скалахъ, на которыхъ, казалось

бы, и самая обработка невозможна. Конечно, обработка здѣсь только ручная, но и она была такъ тщательна, что черкесы не знали неурожаевъ. Орудія самыя своеобразныя, но они отличались прочностію и были хорошо направлены. Черкесы мастера дѣлать цилпы (мѣстные топоры). Пшеница убирается женщинами посредствомъ серпа, но онъ такъ малъ, что похожъ скорѣе на дѣтскую игрушку. Всѣ полевые произведенія черкесы перерабатывали у себя дома: водяныхъ и вѣтряныхъ мельницъ они не знали, а размоль производили на ручныхъ жерновахъ 8 вершковъ въ діаметрѣ. Замѣчательно хорошо они выдѣлывали крупу изъ гоми. За то въ Дагестанѣ мельницы превосходныя, хотя и нѣсколько своеобразнаго устройства.

Въ Дагестанѣ обработка земли была еще затруднительнѣе. Воспользовались карнизамы горъ или нарочно изрывъ ихъ терасами, горцы свозили туда изъ долинъ плодородную землю на ослухъ. Сколько разъ нужно было повторять эту экскурсію, чтобы образовать узкія полоски земли подъ посѣвъ! Потомъ сверху, пользуясь какимъ-нибудь ручьемъ, проводилась вода по всѣмъ терасамъ, такъ-что ни одна пядень земли не оставалась неорошенной. Затѣмъ уже сѣялся хлѣбъ, сверху внизъ. Такъ-же сверху внизъ производилась и уборка жатвы. Такія обработанныя терасы и теперь часто встрѣчаются тамъ, гдѣ горцы остались на своихъ мѣстахъ; остальные представляютъ мерзость запустѣнія, отъ которой дѣлается тяжело на душѣ...

Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, всякое оставленное поле, всякое заброшенное хозяйство вовсе не доказываетъ поступательнаго движенія прогресса! А такихъ полей и хозяйствъ здѣсь тысячи! Есть мѣста, гдѣ нѣсколько лѣтъ назадъ приходилось по 3,000 человекъ на 1 квадратную милю, а теперь и по 30 не начтешь.

— Куда-же мы дѣнемся на ночь?

— А вотъ сейчасъ выберемъ мѣсто. Погоди.

И Магомадь-оглы пошелъ куда-то по кровлямъ ближайшихъ сакель.

Я стоялъ одинъ на карнизѣ—и странное дѣло, какъ будто и не кстати, передо мною разомъ возникла картина изъ далекаго-далекаго прошлаго.

Громадная зала, вся заставленная большими черными столами.

Лампы низко висятъ надъ ними, озаряя головы, наклоненныя надъ книгами. Въ углахъ и у потолка ступается мракъ. Черная ночь смотреть въ окна. Мы всѣ, мальчуганы, сидимъ на табуретахъ, боясь шевельнуться, чтобы не попасть въ уголь.

— Посторонними занятіями не развлекаться! У кого на столѣ будетъ не учебникъ—въ карцеръ! свирѣпствуетъ воспитатель, маршируя по серединѣ залы, ровно и медленно, отъ стѣны къ стѣнѣ, какъ маятникъ тутъ-же висящихъ часовъ. То онъ выступитъ на свѣтъ, блеснетъ широкою лысиной, то снова спрячется въ сумракъ. Худошавая фигурка его напрасно хочетъ быть величавой, тоненькія ножки старательно отбиваютъ темпъ: разъ, два, разъ, два.

Передо мной добросовѣстно развернуть учебникъ Мар-го, но за то въ немного выдвинутомъ ящикѣ—одинъ изъ томиковъ кругосвѣтнаго путешествія Дюмонъ-Дюрвиля. Рядомъ однозвучно-назойливо кто-то долбитъ:

„Россіяне отличались изстари великодушіемъ и гостепріимствомъ, россіяне отличались изстари великодушіемъ и гостепріимствомъ, россіяне...“

Съ другой стороны слышится такая-же долбня: квадратъ гипотенузы равняется суммѣ квадратовъ...

Но мнѣ ничего не слышно... Столько-же мнѣ мѣшаютъ они, сколько муха, что жужжитъ около, сколько монотонные шаги дежурнаго офицера. Передо мной развертываются чудныя тропическія картины, вѣчно зеленныя пальмы смотрятся въ тихія воды бирюзовыхъ озеръ. Воздухъ полонъ аромата. Въ чащѣ лианъ притаился тигръ и зорко выглядываетъ оттуда, не покажется-ли около стройный силуэтъ вѣтвистой серны. Вверху звенятъ невидимыя хоры птичьихъ голосовъ. Ярко сверкая на солнцѣ, ползетъ громадная змѣя. И словно змѣи крадутся къ одинокому европейскому путешественнику нагіе дикари, готовя свои отравленныя стрѣлы.

И гдѣ эти казенныя бѣлыя стѣны, гдѣ эти черныя столы; гдѣ эти долбящіе уроки товарищи!... Дыханіе захватываетъ, жарко дѣлается, глаза горять, ощущеніе чего-то щекочущаго пробѣгаетъ по всему организму. Я самъ тамъ, съ этимъ европейцемъ-путешественникомъ, самъ стою съ ружьемъ и жду встрѣчи. И хорошо на душѣ, и поэтическіе сны роятся въ головѣ, и мысль далеко-да-

леко бродить, за тридевять земель, въ тридесатомъ царствѣ.

Въ такомъ тридесатомъ царствѣ я былъ теперь и такъ-же жарко разливалась кровь по жиламъ, такъ-же порывисто дышалось... Совершенно тѣ-же ощущенія, тотъ-же неопредѣленный поэтический восторгъ, только грезы становились дѣйствительностью, сны видѣлись на яву.

— Нашель одну саклю! прервалъ мои мечты Магомадъ-оглы.

Я послѣдовалъ за нимъ, съ кровли на кровлю. Какъ все это ветхо! На одной крышѣ нога моя провалилась внизъ, едва удержался на другой. Въ промежуткахъ между саклями чернѣли внизъ бездонныя ямы. Прежде здѣсь были перебрѣшены мостки, теперь все это лежало далеко внизу, разрушенное, упавшее. Черезъ эти интервалы приходилось перепрыгивать.

Наконецъ, Магомадъ-оглы, шедшій впереди, провалился сквозь землю. Былъ—и нѣтъ его.

— Магомадъ! крикнулъ я.

— Йо!... послышалось, точно изъ погреба, внизу.

Пощупалъ ногой—отверстіе внизъ. Лѣсенка въ немъ. Ходъ въ саклю черезъ кровлю. Осторожно спустился туда. Тьма—хоть глазъ выколи. Добрался до пола. Что-то зашуршало мимо, хлопнулось объ стѣну, ударилось въ другую. Какія-то теплыя, точно шероховатую пленкой обтянутыя крылья скользнули по лицу, скользнули внизъ вдоль груди. Опять два-три разлета — и летучая мышь шарахнулась въ дыру кровли. Противное ощущение! На

лицѣ точно зудъ. Даже холодный потъ выступилъ на лбу.

Щелканье огнива о кремень и брызги золотыхъ искръ въ черной, густой тьмѣ. Искры сыплются обильно. Запахло трутомъ, натертымъ порохомъ. Вонь огонекъ рдѣеть тамъ. Все ярче и ярче. Видно Магомадъ возится за нимъ.

— Да вѣдь у меня спички есть, догадался я.

Зажгли тонкую восковую свѣчку, бывшую со мной.

Голыя стѣны. Куча сора на полу. Что-то возится тамъ, только слышенъ шорохъ. Шорохъ и вдоль стѣнъ, въ которыхъ пустуютъ темными впадинами ниши. Склепъ; могила, только не жилие человѣка.

— Гдѣ-же тутъ спать?

Ни слова въ отвѣтъ. Магомадъ возится въ углу.

— Да чего ты ищешь тамъ въ углу, Магомадъ?

— Постой!

Что-то заскрипѣло, точно ржавыя петли...

Кунакъ мой отыскалъ люкъ.

— Это еще что за подземелье?

— Сюда пойдемъ.

И Магомадъ вторично провалился сквозь землю...

Я, разумѣется, последовалъ за нимъ. Въ полу былъ входъ во вторую саклю. Когда я, въ свою очередь, провалился въ нее, свѣжій воздухъ пахнулъ мнѣ прямо въ лицо... Стѣна оказалась пробитой не окнами, а какими-то круглыми дырками. Оттуда свѣтилъ сюда яркій мѣсяцъ и ночная прохлада струилась вмѣстѣ съ ароматомъ цвѣтовъ,

*

курившимся въ долинахъ... Тутъ и на полу было чище, да и затхлость могильная не стѣсняла дыханія.

— Богатый хозяинъ былъ, хороший человекъ... Кунакъ мой. Теперь умираетъ въ Турціи, должно быть...

И Магомадь-оглы, насупившись, сѣлъ въ уголь пустой сакли.

Тѣ-же ниши въ стѣнахъ... Днемъ тутъ, должно быть, филины да совы гнѣздятся... Ишь сколько перьевъ разбросано повсюду... Нѣжный пухъ мелкихъ пташекъ, вѣрно охотничья добыча ночного хищника... Свѣтъ луны былъ такъ яркъ, что мы затушили свѣчу. Какая-то черная тѣнь мелькнула въ окнѣ и исчезла... Вѣрно большая птица пролетѣла мимо... И опять тишина невозмутимая.

Я подошелъ къ бойницамъ... Эка ширь озаренная!... Точно серебристый паръ заполонилъ весь этотъ просторъ... А все-таки жутко было при мысли, что вся эта скала можетъ разомъ рухнуть внизъ вмѣстѣ съ своимъ ненадежнымъ пьедесталомъ — карнизомъ изъ обвѣтрившагося гранита.

Тутъ вѣдь должна быть дверь... Вѣрно и балконъ есть... Въ одномъ мѣстѣ, дѣйствительно, что-то сквозило точно лезвее. Оказался выходъ. Я осторожно пріотворилъ его... Мѣсяць ярко блеснулъ въ глаза и точно занавѣсъ приподнялся надъ всею этой окрестностью.

Признаюсь, впрочемъ, въ своей трусости. На балконъ ступить я не рѣшился; Можетъ быть, подпорки сняли, долго-ли рухнуть! Все равно, и отсюда видны и разливы рѣки внизу, и бѣлыя стѣны аула, тоже оставленнаго гор-

цами, и черные силуэты горъ, оставшихся въ тѣни, за свѣтомъ. Какая это чудная пустыня, какое поэтическое убѣжище... Право, вполне становится понятно, что фи-ваидскіе отшельники не особенно должны были страдать въ своемъ добровольномъ заточеніи, гнѣздясь на вершинахъ скалъ среди пустыни.

Магомадъ-оглы упорно молчалъ.

Я завернулся въ пальто и рѣшился заснуть, не обращая вниманія на ящерицъ, если-бы имъ вздумалось скользнуть около...

Долго-ли продолжалось мое забытѣе—не знаю. Помню, что нѣсколько разъ открывалъ глаза, встрѣчая все ту-же яркую лунную ночь, и опять все мѣшалось передо мною... Будь тутъ снопъ камыша — спать было-бы удобно... Но этотъ жесткій полъ давалъ таки себя чувствовать, особенно послѣ цѣлаго дня, за исключеніемъ двухъ-трехъ часовъ, проведенныхъ въ сѣдлѣ. Наконецъ удалось заснуть.

— Кунакъ! Кунакъ!

Я открылъ глаза.

Надо мной наклонился Магомадъ-оглы. Мѣсяцъ билъ прямо въ лицо ему, и такое на немъ было страшное выраженіе, что я разомъ приподнялся. Старикъ весь блѣдный, въ глазахъ не страхъ, а что-то растерянное, недоумѣлое...

— Чего тебѣ?

— Уйдемъ отсюда, пожалуйста уйдемъ.

Голосъ какой-то нервный сталъ...

— Это зачѣмъ еще?

— Шайтанъ здѣсь... Внизу шайтанъ есть.

Видимо старается тише говорить, чтобы его никто не слышалъ. Едва уловишь звуки словъ.

— Вѣрно сова крикнула...

— Говорю тебѣ, что шайтанъ... Слышишь?

И онъ взялъ меня за плечо. Чувствую, какъ вздрагиваетъ его рука.

— Ничего нѣтъ.

— Постой.

Тишина полная, ни звука... Даже звонъ въ ушахъ подымается, какъ всегда, когда кругомъ царить ненарушимое безмолвіе,—тотъ звонъ, что похожъ на отдаленное пѣніе стрекозъ въ жаркій лѣтній день подъ солнцемъ среди застывшаго въ безвѣтріе зеленого луга... Но вотъ... Что это... Дѣйствительно...

Я самъ замеръ... Страхъ-ли Магомада такъ заразительно подѣйствовалъ на меня или дѣйствительно холодно стало, только меня проняла дрожь...

И опять ничего, и опять безмолвіе... полное, гробовое...

— Слышалъ?

Точно вѣтерокъ дунуль въ ухо, такъ тихъ былъ голосъ моего товарища.

Я только кивнулъ головою... „Показалось“, думаю. И опять... опять дрожь проняла.

Это не стонъ, не крикъ, а точно отголосокъ стона, отраженіе его... Шорохъ ящерицы по залитому луннымъ

свѣтомъ пространству пола слышенъ, но тотъ тайный, легкій звукъ какъ-то прямо проходить къ сердцу, принимаетъ... Какъ онъ ни слабъ, но, казалось, если-бы мы даже кричали, шумѣли, ухо все-таки уловило-бы его... Точно вздыхалъ кто-то внутри горы и вздохъ страдальческій, больной проходилъ сквозь камни невидимыми скважинами и трещинами въ оставленную саклю.

— Шайтанъ...

— Что за пустяки! опомнился я.—Такъ что-нибудь.

Но тутъ мою руку схватила его рука, холодная, влажная. Чувствую, какъ пальцы его впиваются въ мою ладонь, и я вполне понимаю его страхъ.

Стонъ слышится громче и на этотъ разъ уже не отголосокъ, а точно кто-то жалуется внизу... Такъ дѣти всхлипываютъ во снѣ...

Вѣдь и не вѣришь въ чертовщину, а волосы зашевелились на головѣ... На нервы дѣйствовало.

— Что нибудь есть. Голосъ слышенъ именно снизу... Вѣдь не съ боку, не сверху, а снизу... Это—человѣкъ.

— Какой человѣкъ будетъ тамъ плакаться... Шайтанъ, говорю тебѣ.

— Магомадъ-оглы, есть внизу что нибудь? Погребъ, яма, пещера, что-ли?

— Нѣтъ, такая-же сакля.

— И въ нее входятъ изъ нашей сакли?

— Вонь оттуда.

Магомадъ тревожно указалъ въ уголь.

— Такъ-же, какъ мы вошли сюда изъ верхней?

— Да.

— Тамъ кто-нибудь есть... Это или женщина, или ребенокъ.

Магомадъ сталъ еще блѣднѣе и судорожно ухватился за меня.

— Ребенокъ... да... ребенокъ плачетъ... Бѣжать надо слышишь... Скорѣй бѣжать... Онъ часто оборачивается ребенкомъ и плачетъ, а какъ сойдешь къ нему, зубами за горло схватить, прокусить и кровь выпьеть... Да, это *его* плачь, дѣйствительно что дитя всхлипываетъ...

— Магомадъ, твоя жена, должно быть, похрабрѣй тебя. Ты бы ужъ за одно бабы шальвары надѣлъ. Вспомни, сколько тебѣ лѣтъ. Пристойно-ли старику, видѣвшему не разъ смерть лицомъ къ лицу, бояться призрака? Можетъ быть, тамъ мучится кто нибудь, нуждающійся въ нашей помощи, такой-же путникъ, какъ и мы.

Старикъ нѣсколько оправился, но я видѣлъ, что на него надежда плоха. Даже равнодушіе его, съ какимъ онъ принялъ названіе „бабы“, доказывало, что онъ сильно растерянъ. Въ другой разъ это не сошло бы мнѣ даромъ.

— Гдѣ входъ туда?

Онъ указалъ на уголь, остававшійся во тьмѣ.

Пришлось вздуть свѣчу. Пламя свѣтило тускло. Съ такимъ же скрипомъ приподнялась доска люка.

Каюсь, я не рѣшался войти туда. Точно устыдившись своего страха, Магомадъ-оглы приблизился и наклонился надъ отверстіемъ входа.

Это уж не стонъ... нѣтъ. Это слова слышны. Точно кто-то мечется въ недугѣ и усиливается говорить громче, когда мочи нѣтъ и когда каждое слово его только вырывается изъ груди. Слушая этотъ ропотъ, такъ и представляешь себѣ, какъ должна судорожно подыматься и опускаться грудь, какъ вытягивается и выгибается шея несчастнаго прежде, чѣмъ онъ выдавить изъ нея хриплый звукъ.

Магомадъ уже совсѣмъ оправился. Онъ зорко смотрѣлъ внизъ и точно припоминалъ что то, бормоча про себя.

— Саидъ-ага! крикнулъ онъ внизъ и прислушался.

Стоны прекратились.

— Саидъ-ага!

Внизъ кто-то заговорилъ, но такъ тихо... Этого, впрочемъ, довольно было Магомаду, и быстрѣе, чѣмъ я думалъ, онъ опустился внизъ. Я постояль-постояль и рѣшился туда-же отправиться, „провалиться“.

Провалился и—остолбенѣлъ.

Куча соломы, должно быть принесена недавно. Лунный свѣтъ сквозь дыру въ стѣнѣ такъ и бьетъ туда, выхватывая изъ мрака лицо трупа, — трупа неподвижнаго, синяго, но съ яркими, живыми, воспаленными глазами... Черные круги легли вокругъ нихъ, оттого они словно глядятъ изъ рамокъ, сосредоточивая свою силу. Горбатый носъ какъ-то заострился и посинѣлъ у ноздрей. Губы, землистыя, сморщенные, едва видны изъ-подъ свалывшейся космами сѣдой бороды. Голый черепъ, угловатый,

неровный, такъ и свѣтится. Въ первую минуту только черепъ да глаза и были различены мною.

Какая костлявая грудь! Лунный блескъ скрадывалъ впадины между ребрами. Выдѣлялись однѣ кости, точно скелеть лежалъ передъ нами. Глазъ даже обманывался. Словно кости грудной клѣтки подымались и опускались судорожно. Видно, что старику трудно дышать было... Что-то хрипѣло у него внутри. А это развѣ не рука скелета? Вѣдь ни мускуловъ, ни жилъ не замѣтно. Ноги уходятъ въ темный уголь.

— Саидъ-ага!

Онъ повернулся и на минуту взглядъ его остановился на Магомадъ-оглы. Ни искры сознанія. Видно, что не узнаеть его вовсе.

— Кто это? спрашиваю.

Спутникъ мой молчитъ, пристально разглядывая лежащаго.

Поперегъ полосы луннаго свѣта, точно трепетавшей на полу, черная линія посоха и сума... А тамъ далѣе, въ тѣни, еще два глаза... Еще сидуетъ... Неподвижно, опасноливо выглядываетъ че-то лицо:

Я взялъ за руку Магомада и кивнулъ туда.

— Айша!

И онъ подошелъ къ женщинѣ. На минуту лицо ея выдвинулось на свѣтъ, точно она хотѣла показаться Магомаду, и опять спряталось. Но совершенно достаточно было и этого, чтобы разсмотрѣть другой трупъ, другія заостенѣвшія черты... Только онъ какъ-то дико выдѣ-

ляются изъ-за сѣдыхъ прядей волосъ. Лохмотья едва закрываютъ тѣло...

Какъ хрипло говорить она... Магомадъ кажется сильно взволнованнымъ. Неужели слезы, у него, у этого стараго дагестанскаго волка?

— Умирать вернулись сюда! прерывисто сообщаетъ онъ мнѣ,—умирать пришли изъ Турціи... На отцовскія могилы... Саидъ-ага большой человекъ былъ... Пять ауловъ у него подъ рукой считалось... А это Айша — жена.

И онъ опять спрашивалъ женщину.

— Тайно шли... по ночамъ. Боялись, что не пустятъ въ старый аулъ. А имъ только и всего—умереть на родной землѣ. Старикъ недѣлю ужъ боленъ. Жена ему помогаетъ.

— Отчего-же они не зашли сначала въ аулъ къ вамъ? Могли-бы отдохнуть тамъ.

— Вай-вай! Твоя голова да будетъ здорова. Что это говоришь ты? „Возьми свои мысли въ руки“. Да ихъ-бы тамъ сейчасъ русское начальство остановило, и вмѣсто того, чтобы умереть здѣсь, они умерли-бы въ тюрьмѣ...

Саидъ-ага, не желая покориться русскимъ, выселился отсюда, со всѣмъ ауломъ, въ Турцію. Здѣсь онъ былъ богатымъ человекомъ. У него ходили по дугамъ табуны коней, стада барановъ паслись въ окрестностяхъ. Вокругъ сакли его, внизу тамъ, на цѣлую версту раскидывались фруктовые сады. Виноградники сходили къ самой рѣкѣ, переливаясь съ полями пшеницы и посѣвами ку-

курузы... Онъ бросилъ все. Продавать землю, домъ, имущество было некому и некогда; ему не вѣрилось, что оставшихся заставятъ перейти на другія мѣста и построиться въ казачьихъ станицахъ. Сандъ-ага собралъ, что было, что можно взвалить на лошадей и ословъ, и съ нѣсколькими вьюками отправился въ Турцію, уводя за собою дочерей и сына... Прошло восемь лѣтъ и онъ возвратился назадъ, оставивъ дочерей въ гаремѣ какого-то паши, а сына зарѣзаннаго курдами, въ придорожномъ рву негостепримной чужбины. Старика тянуло назадъ. Тамъ, среди малоазійскихъ равнинъ, ему грезилась постоянно родина, ея снѣговья горы, ея благоуханныя долины. Только-бы взглянуть на все это еще разъ—и умереть, умереть у себя, лечь тамъ, гдѣ легли цѣлыя поколѣнія его нѣкогда славнаго и могучаго рода... И вотъ онъ, словно травленный волкъ, прокрался сквозь кордонную линію, черезъ ахалцыхскій уѣздъ, вступилъ въ Закавказье, прошелъ Гурію, Карталинію, съумѣлъ проскользнуть незамѣченнымъ черезъ Тифлисъ, и все-таки пѣшкомъ, едва ступая своими старческими ногами, добрался до Дагестана. Воображаю, какъ шли сюда эти путники, мужъ и жена, старцы, опираясь о свои посохи, сторбясь, шагъ за шагомъ. Сколько мѣсяцевъ должно было пройти прежде, чѣмъ они увидѣли эти скалы, эти полувоздушные карнизы, эти ласточкины гнѣзда, прежде, чѣмъ онъ остановился здѣсь на высотѣ, съ печальнымъ восторгомъ оглядывая окрестности, гдѣ нѣкогда онъ былъ властелиномъ и куда теперь возвращается безправнымъ нищимъ, хоронясь отъ свѣта Божьяго, отъ взгляда людскаго!..

Не так-ли загнанный, раненый звѣрь забирается по дальше въ свое логовище, чтобы молча, безъ стона, умереть на покой, не видя за собою погони, не слыша злобнаго лая остервенѣлой своры и безумнаго гиканья забрызганнаго кровью хозяина.

Говорилъ одинъ Магомадъ. Больной только хрипѣлъ; жена его молчала, опустивъ голову, точно она потеряла языкъ. Видно, что словъ не было передать всю тоску, всю муку своего сердца... Видно, что закаменѣла она отъ этой боли... Плакала-бы, да слезъ нѣтъ... Высохли давно и внутри все жжетъ.

Сталь ей Магомадъ про своихъ рассказывать, про родныхъ, знакомыхъ—и головы не подняла. Видно, все въ ней замерло.

Ахъ, вы бѣдные, бѣдные... Мой аулъ недалеко... Нужно перенести къ себѣ... Саидъ-агъ не долго жить!.. А какой уздень былъ! Какъ мы съ нимъ вашихъ били! Въ пяти набѣгахъ вмѣстѣ участвовали. Съ Шамилемъ на Тифлисъ выходили... Да, было время! Точно солнцемъ въ голову ударить, какъ вспомнишь прежнее... Точно заслѣпить тебя... Великъ Богъ и Магометъ пророкъ его. Они знаютъ, для чего испытываютъ свой народъ!..

Глаза мои нѣсколько привыкли къ темнотѣ и я различалъ, почти всю, женщину, сидѣвшую въ углу: голова ея какъ-то ушла въ плечи, приподнятая вверхъ, руки-сжаты были между колѣнями. Какъ должны были изголодаться они!..

Магомадь-оглы даль ей было мяса. Она только посмотрѣла на него и опять поникла...

— Абрекомъ былъ, всегда у Саида прятался... Могучій человекъ!.. Рабовъ у него были сотни... Три жены въ гаремѣ сидѣло... Самъ Шамиль (да успокоить Аллаха святую душу его въ раю!) уважалъ Саида... А теперь — вонъ... Солома... Точно шакалы его оборвали кругомъ... Ай, Саидъ, Саидъ!.. Зачѣмъ мы еще живемъ, зачѣмъ Азраиль не возьметъ насъ отсюда?.. Лучше-бы насъ въ бою убили, чѣмъ такъ кончать!..

Я понялъ, что мое присутствіе, какъ бывшаго врага, не совсѣмъ удобно и неприятно дѣйствующимъ лицамъ послѣдняго акта этой потрясающей драмы изгнанія и смерти... Поднялся на верхъ, только до самаго утра не могъ заснуть. Передо мною возникалъ образъ этого умирающаго старика, жизнь, полная поразительныхъ контрастовъ. Приволье горскаго узденя, богатство, безшабашная жизнь смѣлаго воина газавата—и потомъ нищенство въ малоазійскихъ деревушкахъ, страдальческое паломничество на родину и безмолвная смерть въ оставленномъ аулѣ, нѣкогда кипѣвшемъ жизнью и силой, а теперь молчаливомъ, разрушающемся...

Умрутъ здѣсь старики, умрутъ въ сакляхъ, гдѣ они выросли, гдѣ шумѣли ихъ дѣти, гдѣ умерли ихъ отцы...

Такой-же бродяга-туристъ, какъ я, случайно, черезъ нѣсколько лѣтъ, забредеть сюда и на сгнившей трухѣ соломы найдетъ чьи-то разбросанныя кости... И никому не расскажетъ о величавой эпопеѣ страданій, совер-

шившихся здѣсь, въ этихъ голыхъ, разваливающихся стѣнахъ ласточкина гнѣзда... И сколько такихъ костей разбросано по Дагестану, въ оставленныхъ аулахъ земли Адыге на восточномъ берегу Чернаго моря... Роеся въ нихъ голодный пакаль... выклевываетъ мертвыя очи хищный воронъ и, словно торжествуя, каркаетъ съ высоты на весь просторъ этой грандіозной долины...

И только старикъ чугурчи, перебирая свою двух-струнную балалайку, вспомнить, что былъ когда-то великій узденъ Саидъ-ага, и передать о немъ вольнолюбивой молодежи!..

Магомадъ только утромъ вышелъ изъ подвала. Онъ даже не взглянулъ на меня...

Спустя полчаса мы спускались внизъ. Надъ нами висѣлъ карнизъ оставленнаго аула. Въ солнечномъ блескѣ орлиными гнѣздами чернѣли сакли... Вонъ тамъ, сквозь эту черную продушину окна, (смотреть теперь умирающій... Голубое небо свѣтитъ ему... Вѣтерокъ заноситъ ароматы горныхъ цвѣтовъ въ его келью... И, въ агоніи, онъ станетъ вызывать свои дружины, что давно лежать въ горныхъ могилахъ, воинственный крикъ газавата въ послѣдній разъ надорветъ его грудь и, улыбаясь ангелу смерти, замретъ старикъ, воображая, что кругомъ звенятъ пашки и льется кровь, что онъ бѣшено мчится впереди своихъ узденей, развѣвая по вѣтру священное знамя пророка!..

Молчаливо, покорно, безъ видѣній и грезъ сойдетъ за нимъ въ могилу Айша... Развѣ-развѣ примерещутся ей

ласковые голоса дѣтей, разсѣянныхъ на чужбинѣ... Пах-
нетъ благоуханіемъ тѣхъ розъ, которыя давнымъ-давно
насадила она въ своемъ садикѣ... Такъ тускнеть послѣд-
ній лучъ заката, такъ медленно замираетъ далекая
пѣсня!..

— Аллахъ этого не забудетъ!.. Неужели не испол-
нилась мѣра гнѣва его! въ глухомъ, безвыходномъ отча-
яніи шепталъ про себя Магомадъ-оглы, взбираясь на кру-
той гребень скалистой горы...

А яркое небо безоблачно; весело шумить потокъ,
сбѣгая въ долину, еще веселѣе свищетъ птичка въ ту-
товомъ деревѣ.

И опять пахнутъ жасминами...

VI.

Еврейскій Дулъ.

альше... грохотъ ручьевъ справа и слѣва.

Медленно подвигаемся мы по дну ущелья, слѣдуя за капризными извивами какой-то рѣчки. По ней въ эту пору вполне безопасно прошла бы курица, но шумить она такъ, что я порою вижу только, какъ мой Магома ротъ открываетъ, а словъ его не слышу вовсе. Попадаетъ въ русло камень, обломокъ какой-нибудь скалы — рѣчка пыжитъя неимоვნно, взмы-

ливается вся, перебрасывается черезъ него гремящими струями и, объжавъ препятствіе, долго еще злится и ворчать, вымещая свою досаду на мелкихъ кремняхъ, на золотистомъ пескѣ, наконецъ на насъ, неповинныхъ

путешественникахъ. Въ самомъ дѣлѣ, это ужь становится невыносимо. То-и-дѣло обдаётъ мелкою водяною пылью или хлещетъ въ лицо крупными брызгами. Не знаешь, куда дѣваться. Попробоваль я было взобраться на откосъ, но конь мой оттуда торжественно сползъ вмѣстѣ съ осыпавшимися глыбами земли и вслѣдъ за ними и я, и онъ очутились въ самомъ руслѣ. Тутъ и растительность была чахлая; только въ трещинахъ камня зеленѣли какіе-то кусты съ ярко-красными цвѣтами, отъ запаха которыхъ кружилась голова, да точно голубая эмаль по золоту, на ярко освѣщенныхъ солнцемъ плѣшкахъ желтаго камня ласково улыбались намъ знакомыя сѣверныя незабудки.

— Что-жь, скоро? спрашиваю я у Магомы.

— Ауль?.. А если я тебѣ скажу, развѣ ближе будетъ? философствуетъ сумрачный горець.

— Должно быть, ты и самъ не знаешь?

— Пять поворотовъ, а тамъ долина. Изъ долины до рога вверхъ поидеть. Вверху и чуль.

— Чуль? Что это такое?

Деревни свои такъ называютъ евреи.

— Отчего же здѣсь такъ пустынно? Ни одного аула нѣтъ.

Хмуро оглянулся Магома.

— Не тебѣ спрашивать! И тутъ былъ ауль, взмахнулъ онъ на вершину довольно пологой горы, по откосамъ которой были разбросаны великолѣпныя купы орѣшниковъ и ясеней; — и тамъ ауль стоялъ, показалъ

онъ головой на темное ущелье вправо, сплошь заросшее одичавшею чащею черешней и яблонь.—Назади три пустыхъ аула оставили. Спроси у горнаго вѣтра, гдѣ ихъ жители. По чужбинѣ въ одиночку блуждаютъ, точно также, какъ чекалки бродятъ въ ихъ оставленныхъ жилищахъ. Вонъ этому шайтану привольнѣе и лучше, чѣмъ такому джигиту, какъ Саидъ-агѣ...

— Какому шайтану?

— Не видишь!

Прямо надъ нами словно повисла какая-то большая птица, широко разбросивъ крылья, серебрившіяся на солнцѣ. Большіе, круглые, золотые глаза смотрѣли на насъ и, вѣрно, ничего не видѣли. Встревожилъ-ли его кто изъ сырого и теплаго убѣжища въ нишѣ сѣрой скалы или самъ онъ поднялся въ ущелье въ неурочное время? Магома нехотя вытащилъ ружье, до сихъ поръ мирно болтавшееся за спиною. Небрежно, словно не глядя навелъ его — и тотчасъ-же загремѣли вокругъ пробужденныя нами окрестности. Направо и налево, впереди и позади — точно сотни выстрѣловъ. Гудко перехватываетъ. Каждая скала, каждая гора отразила ихъ; въ каждую пещеру, слѣдуя по ея извилинамъ и постоянно повторяясь, ворвался этотъ грохотъ. А на песокъ вздрагивалъ громадный филинъ-пугачъ, переводя маховыми крыльями и поминутно раскрывая клювъ, точно ему дышать было нечѣмъ. Еще болѣе неудомѣло-пристально смотрѣли на насъ его налитые золотомъ глаза. Даже и вѣки не смежались.

*

— Зачѣмъ ты это?

— Его жалѣть нельзя. Ты знаешь-ли, кто онъ?

— Птица.

— Какая! Тутъ прежде, давно это было, злое племя по горамъ сидѣло. Съ шайтаномъ дружилось, всякаго, кто попадалъ къ нему, живого въ огнѣ жарило и пожирало. Сакли это племя не знало вовсе. Что звѣри, голое по лѣсамъ шлялось, а внизъ, въ долины, сходить не смѣло, потому что наши муллы заклиали его.

— Было у него оружіе? заинтересовался я горною легендой.

— Нѣтъ. Дубьемъ дралось, камнями. Что наши мальчишки—изъ пращи. Стало намъ тѣсно, внизу мѣста не хватило, муллы велѣли въ горы идти. Пошли, только каждый кусокъ земли намъ съ бою доставался.

— Да вѣдь какъ-же они дрались, не камнями-же остановить васъ могли?

— Силы непомѣрной были. А главное—шайтанъ помогать имъ. Сегодня выстроимся, а ночью онъ, поганый, завалитъ ауль камнями. Навеземъ снизу земли для садовъ — червей пошлетъ или всю ее пескомъ занесетъ. Наконецъ стали мечеть строить. Что за день сдѣлаемъ—ночью все рухнетъ!.. Самые умные муллы думали—ничего придумать не могли, пока не пришелъ одинъ ходжи, побывавшій въ Меккѣ. Ну, тотъ все сразу понялъ. Велѣлъ найти такого ребенка, за которымъ грѣховъ нѣту, да чтобы онъ единственный былъ у матери, да чтобы его отецъ святой жизнью былъ извѣстенъ, да чтобы на груди у ре-

бенка луна, въ видѣ родимаго пятна, означалась. Десять лѣтъ искали—не нашли. Наконецъ услышали отъ проѣзжаго еврея одного, что есть такая семья и ребенокъ такой, далеко-далеко, въ Кабардѣ самой. Что было дѣлать? Сказали ходжи. „Непремѣнно добудьте его“, посоветоваль. Пошли наши набѣгомъ. Много крови пролилось, сколько тысячъ человекъ убили—одинъ Аллахъ да Магометъ, пророкъ его, сосчитать развѣ могутъ. Разорили сто ауловъ, а мальчика живьемъ добыли. Привезли къ ходжи. „Ну, теперь, говоритъ, начинайте строить мечеть, только внизу яму выройте“. Вырыли. „Посадите туда мальчика, чернаго пѣтуха и бѣлую кошку“. Посадили. „Заложите ихъ камнями сверху“. Жалко было, да что-жъ дѣлать — заложили. „Теперь говоритъ, выводите стѣны—прочно будетъ“. И вѣрно! Прошла ночь — все цѣло, слышно только было, какъ шайтанъ по горамъ да по ущельямъ до утра плакалъ, что власти у него нѣтъ, что царство его отошло.

— Ну, а ребенокъ что-же?

— Ребенку что! Его душа—прямо въ рай. Люди видѣли, какъ черезъ три дня изъ этихъ самыхъ камней, которыми яма была заложена, вылетѣла зеленая птичка и прямо въ небо взвилась. Откуда ни возьмись, кинулся за ней черный коршунъ,—это шайтанъ былъ,—только съ неба его громомъ ударило, такъ и не удалось ему зеленую птичку добыть. Ну вотъ какъ достроили мечеть—и аулы начали въ горахъ ставить, шайтанъ уже ничего не могъ намъ дѣлать. Только дикое племя этого самаго

святого ходжу поймало, сжарило и съѣло. Жирный былъ! Тутъ и случилось чудо великое. Всѣ, кто ѣлъ его или былъ при томъ, разомъ въ филиновъ обратились, и положено имъ плакать каждую ночь, такъ чтобы всѣ правовѣрные слышали, какъ они казнятся. Всей остальной твари повелѣно самимъ Аллахомъ ненавидѣть и убивать ихъ; оттого днемъ они ничего не видятъ. Выйди ночью въ садъ—не заснешь, какъ начнетъ плакать этотъ шайтанъ надъ тобою. До утра проплачешь, проклятый. Вотъ здѣсь какое чудо было и вотъ отчего въ горахъ такая скверная слѣпая птица завелась! Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Магометъ—пророкъ его!

Сообщивъ мнѣ горную легенду, Магома точно самъ испугался, что говорилъ такъ много. Брови нависли еще ниже, лицо стало еще сумрачнѣе и точно закаменѣлъ человѣкъ—ни слова. Наконецъ Магома мало-по-малу вышелъ изъ своего оцѣпенѣнія.

— Ты меня прости! извинялся онъ.—Много ужъ тутъ накопилось, показалъ онъ на сердце.—Сюда подошло!— И онъ провелъ пальцемъ поперегъ горла.—А всего обиднѣе, что и между нашими отступники показались. Подъ урусомъ, видишь, жить спокойнѣе. Точно орелъ горный курицей сталъ!.. Такіе люди появились между нами, что за барана „могилу матери своей продадутъ и въ бороду мертваго отца плюнуть“. Вотъ какіе люди! Видно, на нихъ по ошибкѣ мать надѣла папаху, а не платокъ. Не даромъ у насъ поютъ про нихъ: „у кого шашлыкъ есть, у того вы работники; у кого есть буза, у того вы гости;

у кого есть дѣвушки, у того вы просители. Не дадутъ ихъ—только плакать станете. Ой, вы, собачьи рты, саранча голодная! Пахаха ваша—тряпка мельничная, ружья на плечахъ—стебли кукурузные!.. Когда другіе воевать идутъ, вы за жирнымъ пловомъ сидите, дочери блудницъ!“

— Какіе люди нынче стали—срамъ сказать! жаловался Магома.—За послѣднее время только одинъ племянникъ мой, Джафаръ, настоящимъ человѣкомъ оказался.

Я заинтересовался, что, по понятіямъ Магомы, соединяется съ представленіемъ о настоящемъ человѣкѣ. Оказалось, дѣло очень оригинальное. Джафаръ никогда и ничего не просить. Если что нужно, отправится тайкомъ въ чужой аулъ и самъ добудетъ оттуда. Ночью-ли, съ оружіемъ въ рукахъ, хитростью—только никакъ не съ согласія хозяина. Пить бузы Джафаръ можетъ сколько угодно и пьянъ не будетъ, потому что настоящій человѣкъ всегда долженъ быть трезвымъ, хоть-бы онъ цѣлый бурдюкъ русской водки выпилъ. Враги всегда завидуютъ „его дыму“, онъ храбрый молодецъ и никто до сихъ поръ не рѣшался вызвать его на доказательства такой храбрости, потому что помнятъ, какъ онъ одинъ-на-одинъ горнаго медвѣдя взялъ. Посватался онъ за одну дѣвушку, да родные слѣсивы были, „Намъ, говорятъ, не надо бѣдняка. Пусть сначала пять коровъ купить“, да и дѣвушка, говорятъ, другого любила. „Баба подлая тотъ, кто обращаетъ вниманіе на это“.

— Вотъ тебѣ и на! не удержался я.

— А по-твоему какъ: другого любить, такъ и уступить? Такъ можетъ сдѣлать только тотъ, на котораго „еще недавно шальвары надѣты!“

Джафаръ, оказывается, поступилъ какъ-разъ по рецепту трагическаго злодѣя Магомадъ-оглы. Онъ подобралъ трехъ сорванцовъ и среди бѣлаго дня, не выходя изъ аула, схватилъ несчастную дѣвушку на улицѣ. Пока сбѣжались на крикъ ея сосѣди и родные, онъ съ нею бросился въ ближайшую саклю. Хозяинъ ея, по горному обычаю, хотя-бы и не сочувствовалъ такому поступку не смѣетъ отказать „храброму молодцу“ въ пріютѣ и защитѣ, если не хочетъ прослыть „собачимъ ртомъ“ и „трусливою чекалкой“. Двери заперли. Родные дѣвушка и знакомые стрѣляли въ саклю, старались выломать двери, орали во все горло, мать царапала себѣ лицо, рыдала, но „храбрый молодецъ“ въ это время насилуовалъ спокойно свою жертву, предварительно связанную его друзьями, такъ-что потомъ она поневолѣ должна была сдѣлаться его женою. Воображаю положеніе родныхъ, слышавшихъ отчаянные вопли дѣвушки... Ночью друзья „храбраго молодца“ Джафара съумѣли его съ дѣвушкой припрятать. Черезъ нѣсколько дней на аульной площади зарѣзали нѣсколько быковъ, доставленныхъ Магомадомъ, угостили весь джамаатъ, а спустя двѣ недѣли отпраздновали свадьбу Джафара... И просто, и скоро!

— А если-бы дѣвушка и послѣ этого не вышла за него?

— Не можетъ этого быть! рѣшительно оборвалъ Магомадъ.

— Какъ не можетъ?

— Очень ясно... Ты какъ курица, что ночью во снѣ таракана видѣла, а, проснувшись, не понимаетъ, куда онъ дѣвался!.. Кто женится на обезславленной дѣвушкѣ? Кто рѣшится?.. Джафаръ-бы надъ нимъ всю жизнь смѣялся. „Я де полакомился медомъ, а ты ѣшь воскъ“.

Таковъ идеаль „настоящаго человѣка“ Джафара.

— Въ прежнее время онъ-бы мюридомъ сталъ, у самаго-бы Шамиля былъ! А теперь такъ, даромъ пропадаетъ малый!.. Никакого ему дѣла по душѣ нѣтъ. Не все же чужихъ коней угонять. Настоящей „веселой игры, нѣтъ нынче, вотъ въ чемъ бѣда; не по обычаю живемъ. „Въ свой родъ чужого хозяина пустили“, ну и должны терпѣть, что онъ за собой и корову свою привелъ туда!“ Да! Очень вы обидѣли насъ, очень! И зачѣмъ мы вамъ? Воевали-бы, какъ прежде; что-же это за война, что-же это за удалая потѣха, когда вы у насъ колыбели наши и могилы отцовъ, землю горскую забираете?

Миновали мы и пять поворотовъ, и наверхъ взобрались... на хорошо протоптанную тропинку попали. Какая-то скрипуча арба медленно ползла впереди съ дуктаръ-эмберъ-гухчеги, еврейской красавицей, старательно закрытой со всѣхъ сторонъ коврами, полагаю, что не отъ чужого взгляда, а скорѣе отъ солнца, потому что когда мы поравнялись съ этимъ Ноевымъ ковчегомъ, поставленнымъ на колеса, еврейская красавица выглянула оттуда, поразивъ насъ какимъ-то клювообразнымъ носомъ, сросшимися бровями и черными глазами, весьма не вырази-

тельными, въ видѣ двухъ коринокъ, вкрапленныхъ въ бѣлое тѣсто. Разумѣется, виски около глазъ черной щеголихи были разрисованы шариками и черточками... Удовлетворивъ свое любопытство, она исполнила горный обычай, опустивъ на лицо платокъ.

— Это вторая жена знакомаго еврея здѣшняго, объяснилъ Магома, считавшій неприличнымъ кланяться женщинамъ.

— Какъ вторая? Да развѣ у евреевъ по нѣскольку женъ?

— Что же ты удивился? По три есть.

Я, разумѣется, не повѣрилъ, зная, что многоженства у европейскихъ евреевъ не допускается, но потомъ самъ убѣдился, что горные кавказскіе евреи (законъ Моисеевъ не запрещаетъ этого) имѣютъ зачастую по три и по двѣ жены, въ чемъ несомнѣнно сказалось вліяніе племень, среди которыхъ врѣзались еврейскіе аулы.

— Одно у нихъ дурно, сожалѣлъ Магома. — Наши жены мирно живутъ между собою, а у горскихъ евреевъ постоянныя ссоры. Потому мужья и стараются по разнымъ ауламъ расселить бабъ и всю жизнь проводить, переѣзжая изъ одного аула въ другой. Нѣсколькими хозяйствами живутъ.

Мы настигали мелкорослыхъ яшаконъ съ вязанками дровъ и хвороста; гналъ ихъ черномазый оборванецъ, громадная папахъ котораго несомнѣнно была больше его самого. Тѣмъ не менѣе у пояса болтался кинжалъ; а громкій голосъ мальчугана раздавался такъ самоувѣренно

и смѣло, что даже Магома сочувственно улыбнулся, если можно счесть улыбкою какое-то вздрагиваніе сѣдыхъ усовъ.

— Настоящій мужъ будетъ. И между нашими такихъ мало.

— А это кто-же?

— Еврей.

— Съ чего онъ такой громаднѣй кинжаль надѣлъ?

— Это сынъ одного кунака моего, Мамре... Ты не смотри, что онъ малый... Этимъ самымъ кинжаломъ онъ разъ отъ волка отбился. И на дерево лѣзть не захотѣлъ, потому что у него орлиная душа. Стыдно бѣжать тому, у кого на головѣ не платокъ, а папаха, если у него въ рукѣ есть кинжаль... Выростеть — большой храбрець будетъ.

Еврейчикъ почтительно приостановился, выждалъ Магомадь-оглу и тихо привѣтствовалъ его словами: барухъ-габо (да будетъ благополученъ вашъ приѣздъ). Несмотря на самоувѣренность и мужество мальчика, въ глазахъ его просвѣчивалось грустное выраженіе, общее всему племени семитовъ, — что-то серьезное, недопускающее громкой шутки и слишкомъ безцеремонной веселости. На одномъ изъ осликовъ болталось ружье, вскинутое туда пастухомъ. Ослы ступали мѣрно, плотно вбивая копытца въ твердую землю и звонко позвякивая колокольцами. Яшаки эти были очень жирны, такъ и лоснились. Видимо у хорошаго хозяина въ рукахъ. Дойдя до самой верхушки гребня и увидавъ внизу ауль, они, точно

предварительно спѣлись; словно по камертону, разомъ заорали на весь просторъ. Оглушили даже, такъ-что Магомадь сплонулъ въ сторону. Одинъ изъ этихъ пѣвцовъ былъ украшенъ лентами, кусочками алаго и желтаго сукна и множествомъ бубенчиковъ. Онъ шелъ впереди, служа для остальныхъ, такъ-сказать, путеводителемъ. Зачастую, выйдя изъ лѣса, пастухъ пускаетъ такимъ образомъ стадо и оно само, слѣдуя за вожакомъ, добирается до дому.

Добрались и мы, наконецъ, до вершины холма.

— Что это? невольно воскликнулъ я, пріостанавливая лошадь.

Весь противоположный склонъ былъ загроможденъ саклями. Между ними — ни площадей, ни клочка сада. Одни узкіе переулки сплетаются, разбѣгаются и пропадаютъ въ кучахъ беспорядочно разбросанныхъ саклей. Сады и хорошо обработанныя поля точно рамкою окружали этотъ ауль снизу. Глазъ не зналъ, на чемъ остановиться. Холма не было видно подъ этимъ муравейникомъ, кипѣвшимъ тысячами жизней и оглушавшимъ насъ могучимъ гуломъ громкихъ голосовъ. Какая разница съ татарскими аулами! Туда подъѣзжаешь — тишина полная. Тутъ точно каждый обитатель жалкихъ мазанокъ считаетъ своею обязанностью орать на весь этотъ зеленый просторъ. Словно золотыя пластинки блистали подъ солнцемъ, уже заходившимъ, плоскія кровли саклей, выстроенныхъ изъ камня, на грязи или на глинѣ вмѣсто цемента. Словно дырѣя въ этихъ мазанкахъ чернѣли окна, лишен-

ныя рамъ и стекло, только ставни болтались иногда на одной петлѣ... Груды камней взбирались однѣ на другіе, точно школьники, когда какой-нибудь шалунъ заоретъ: „мала куча!“ и на опрокинутого имъ мальченка валится, сломя голову, цѣлый классъ. Однѣ сакли точно перелѣзаютъ черезъ другія. Тутъ нѣсколько мазанокъ лѣстницей — маленькія на большихъ, а сверху ужъ совсѣмъ микроскопическія. Внизу даже не размотришь, точно ложкою размѣпанное мѣсиво. Цѣлое море плоскихъ кровель. И какъ все это людно! На улицахъ бѣгаютъ пестрыя толпы, женщины группами сидятъ на крышахъ, точно подъ страхомъ смертной казни запрещено имъ пребываніе дома. Румяные отблески заката, обливая багрянцемъ и золотомъ эту кипѣнь люднаго аула, еще болѣе жизни и красоты придаютъ ему. А тамъ дальше, за ауломъ, маревомъ лѣснымъ идетъ зеленая понишь и только розовой змѣей, блистая на излучинахъ своихъ расплавленнымъ золотомъ, вьется узенькая рѣченка, пропадая тамъ, гдѣ и лѣса сами кажутся какими-то сѣроватыми облаками... А еще дальше, только въ сторону, стали грандіозные силуэты главнаго хребта, вершины котораго огнистыми коронами и пламенными кострами сверкаютъ надъ закурившимися уже вечернимъ туманомъ долинами.

— Что-же это, неужели тутъ и мусульмане живутъ? съ недоумѣніемъ указаль я на минареть пестрой, точно желтыми и голубыми изразцами покрытой мечети.

— Нѣтъ. Это ихняя мечеть, еврейская.

— Синагога?

Оказалось, что горные евреи всё свои синагоги строят такимъ образомъ. Ихъ не отличишь издали отъ мусульманскихъ мечетей. Иногда онѣ и расписаны въ татарскомъ вкусѣ.

Еврейскій аулъ, куда мы столь торжественно вступали, принадлежалъ еще недавно къ числу „немирныхъ“. Онъ держался Шамиля и между мюридами этого властелина кавказскихъ горъ было не мало храбрецовъ отсюда.

Магомадъ-оглу навстрѣчу слышались привѣтствія. Мусульманинъ, презирающій городского еврея, ненавидящій русскаго, съ видимымъ уваженіемъ относился къ горнымъ евреямъ. Вообще окрестное населеніе нисколько не отличаетъ себя отъ нихъ. Случались даже и невѣроятныя сближенія. Горцы отдавали дочерей своихъ замужъ за евреевъ, а зачастую и сами евреи, по мѣстному обычаю, силкомъ увозили красавицъ изъ мусульманскихъ ауловъ. При такихъ обстоятельствахъ иногда начинались безконечная „канлы“ съ убійствами, грабежами, преслѣдованіями; чаще-же враги мирились и „прекрасная Елена“, какого-нибудь горскаго аула оставалась въ саклѣ у похитившаго ее Париса изъ племени израилева.

Чѣмъ ниже мы спускались, тѣмъ гуще была шумная толпа.

Подъ конецъ, не доѣзжая полуверсты до аула, мы двигались, точно подхваченные волною. Нельзя было повернуть ни вправо, ни влѣво; со всѣхъ сторонъ спло-

пная стѣна любопытныхъ, быстро переговаривавшихся съ Магомадъ-оглы. Сообщительность горныхъ евреевъ изумительна. Они сами выспрашивали насъ обо всемъ и, въ свою очередь, рассказывали свѣжія сплетни своего аула. Все это дѣлалось такъ добродушно, что не тяготило насъ. Эта болтливость была безъ назойливости. Интересовались они всѣмъ. Правда-ли, что турецкій султанъ истребилъ гяуровъ по всему лицу Порты оттоманской, правда-ли, что въ „Тыплизѣ“ женщины перестали носить шаровары, а облеклись въ какіе-то широкіе зонтики? Правда-ли, что гдѣ-то втеченіи трехъ дней видѣли звѣзду съ тремя хвостами, а бѣлая собака заговорила по-человѣчьи и войну провозвѣстила? Правда-ли, что въ виду войны урусъ всѣхъ евреевъ заберетъ въ солдаты и заставить ихъ принять христіанскую вѣру? („Еще-бы не правда, подтверждаетъ сосѣдъ: — самъ мулла Ибрагимъ сказывалъ!“) А знаютъ-ли „многочтимые хахамы“ (это—мы!) о томъ, что въ ихъ аулѣ нѣкая Шуманитъ только-что родила тройни, по мѣстному обычаю, лежа на землѣ. „И всѣ мальчики!“ восторгались болтуны. Хозяинъ (т. е. мужъ) по этому поводу зажегъ у себя свѣчи и развѣсилъ по стѣнамъ золотыя бумажки съ именами разныхъ ангеловъ, которые и новорожденныхъ, и мать будутъ охранять отъ козней дьявола? Черезъ нѣсколько дней допустить къ ней женщинъ и тогда „мы сообщимъ вамъ остальное!“ успокоивали насъ евреи, точно судьба трехъ новыхъ гражданъ аула насъ интересовала въ одинаковой степени съ ними.

— Хозяинъ, вѣрно, позоветъ хахама на торжество обрѣзанія! додумывались съ одной стороны.

— Онъ богатый. Курь и гусей подадутъ вволю! прибавляли съ другой. — Можете ѣсть сколько хотите.

— Мать два раза землю съ могилы пила!

— Не два раза, а одинъ.

— Ну, ты мало знаешь. Мнѣ сестра рассказывала.

Если роды очень трудны, то берутъ землю съ недавней могилы, разводять въ водѣ и даютъ выпить страдалицѣ. Не унимается боль—повторяютъ то-же средство, только еще глубже берутъ такую-же землю.

— Не знаете-ли вы, помогаютъ-ли отъ лихорадки перья бѣлаго пѣтуха? добивался какой-то старикъ.

— Да развѣ они персы, чтобы лечить больных? возражали ему.—Ты-бы старухъ своихъ спросилъ.

— Да онѣ ужь лечили. Не помогаетъ.

— А колдунъ аульный что-же?

— Двухъ барановъ требуетъ, безъ того нейдетъ.

— Ай-вай, двухъ барановъ! Чтобъ душа его бабки подавилась ими на томъ свѣтѣ.

— Чтобъ ему никогда не ѣсть курятины.

— Вотъ ужь собачій ротъ, воронье брюхо. Чтобы сакля его отца обрушилась на его голову!

— Подожди, персы приѣдутъ, они вылечатъ.

Магома потомъ мнѣ объяснилъ, что сюда въ горы призываютъ своеобразные аптекари—персидскіе брадобрѣи, которые за одно продаютъ и лекарства. Впослѣдствіи уже я узналъ изъ записокъ Гуды-чернаго, что цирюль-

ники эти прїѣзжаютъ изъ Персіи и открываютъ на ауль-ныхъ базарахъ публичную продажу лекарствъ и снадобій, приготовляемыхъ изъ разныхъ травъ. Вся ихъ аптека заключается въ большомъ мѣшкѣ. Каждый медикаментъ завязанъ отдѣльно въ грязную тряпку. Относясь къ нимъ съ полнѣйшимъ довѣріемъ, кавказскіе горные евреи ни за что не обратятся къ окружному медику, подозрѣвая, что въ русскія лекарства подмѣшана свинина или что-либо трѣфное. Персидскіе медики-цирюльники, какъ рассказывали мнѣ въ аулѣ Гемейды, имѣютъ средства противъ всѣхъ недуговъ и несчастій. Они излечиваютъ бесплодныхъ жонъ и даже неспособнымъ мужьямъ возвращаютъ утраченныя силы. Злыя бабы могутъ быть укрощаемы настоемъ изъ травы, предписываемымъ цирюльникомъ, отчаянные пьяницы начинаютъ чувствовать отвращеніе ко всему хмѣльному, когда такой магъ и волшебникъ скажетъ имъ какія-то три магическія слова на ухо. Если мужъ подозрѣваетъ свою Пенелопу въ измѣнѣ, ему стоитъ только принять лекарство и во снѣ онъ увидитъ всѣхъ ея любовниковъ; если жена, въ свою очередь, имѣетъ основаніе думать, что Менелай украсилъ ее рогами, стоитъ только прыснуть на спящаго водою, проданной персомъ, чтобы горный Донъ-Жуанъ въ бреду назвалъ имя разлучницы. Если супруги хотятъ имѣть именно мальчика, а не дѣвочку, персъ и тутъ посодѣйствуетъ таинственными чарами; къ нему-же обратится юноша, потерпѣвшій фіаско въ своихъ любовныхъ похожденияхъ, и т. д. Вообще персидскіе цирюльники здѣсь

соединяютъ въ своихъ особахъ всё свѣдѣнія медицинскаго факультета, съ прибавленіемъ разныхъ волшебствъ, которыя оставили-бы далеко позади популярную у насъ въ Петербургѣ дѣвицу Александрину.

Волна подхватившаго насъ народа внесла и коней, и всадниковъ въ узкій переулочекъ аула. Тутъ зрители потѣснились, но навстрѣчу высыпали новые. Полныя любопытства лица мѣшались въ какое-то марево, такъ что у насъ головы заболѣли отъ усталости. Можно было поручиться, что все населеніе жило постоянно на улицѣ. Тутъ мѣстный башмачникъ выдѣлывалъ чевяки, тамъ сердобольная мать откровенно подмывала своего ребенка. Въ сторонѣ на виду спать япакъ, а у самаго брюха его столь-же аппетитно похрапывали двое погонщиковъ. Въ переулкахъ, вливашихся подобно притокамъ въ главную улицу, видѣлись группы громко оравшаго и размахивавшаго руками народа. Если-бы я не былъ предупрежденъ уже, я-бы могъ подумать, что здѣсь случилось какое-либо необычайное событіе. На площадкахъ сидѣли кучки болтуновъ—и то-же оранье доносилось оттуда. Въ аулъ мы опять прошли сквозь строй вопросовъ, отъ которыхъ никуда не уйдешь, никуда не спрячешься. Магомадъ-оглы, сохраняя спокойствіе, невозмутимо отвѣчалъ, когда его спрашивали, не видѣлъ-ли онъ въ сосѣднихъ аулахъ шайтана, который, говорятъ, сбѣжалъ съ Мадлисской горы туда; не портить-ли этотъ шайтанъ бабъ по ночамъ, и что-же смотреть муллы: пора-де нечистаго возвратитъ опять на старое мѣсто жительства.

Въ открытыхъ лавкахъ засѣдали такія-же болтливыя толпы разнаго люда. Обыкновенно, когда не хватаетъ новостей и мѣстныхъ сплетень, горные евреи рассказы-ваютъ другъ другу сказки о томъ, какъ Надирь-шахъ во время оно разоралъ ихъ, какъ въ такую смутную пору еврейскаго настроенія являлись многоученые и добродѣтельные раввины, ради которыхъ Богъ спасалъ отъ гибели горское населеніе. Разумѣется, при семъ удобномъ случаѣ не обходилось безъ чудесъ. Острыя сабли персовъ отскакивали отъ священнаго пятикнижія, устрашенные небесными явленіями враги отступали отъ синагогъ, не нанося вреда народу, запершемуся въ этихъ убѣжищахъ. Но вотъ нашло съ юга видимо-невидимо полчищъ Надирь-шаха. Особенно персы ненавидѣли израиля и народу божьему пришлось отъ врага жутко. Ихъ даже и въ плѣнъ не уводили, а убивали. Что было дѣ-лать? Кала-чирахскій еврейскій джамаатъ думалъ, ду-малъ да и рѣшился выселиться вонъ. Бросили свои сакли, свои сады оставили, кладбища, гдѣ лежали ихъ отцы и дѣды. Совсѣмъ опустѣлъ край. Задолго послѣ того мѣст-ный ханъ вздумалъ дворецъ строить. Чѣмъ тесать вновь камни да украшать ихъ выбивкой арабески, гораздо луч-шимъ показалось ему воспользоваться надгробіями еврей-скаго кладбища. Такъ и сдѣлали. Въ три дня и три ночи воздвигли ему громадное кала-чирахское Тюильери; краше этого дворца не было, пожалуй, ни въ Багдадѣ, ни въ Мосулѣ. Развѣ у падишаха въ Стамбулѣ да у Московъ-царя есть лучше дворцы. Да и то едва-ли! сомнѣваются

еврейскіе сказочники. Торжествовалъ ханъ это событіе три мѣсяца и, наконецъ, перебрался въ новыя палаты. Но тутъ ужъ начались такія чудеса, о какихъ ни одна душа не слышала. Расскажи хахаму—такъ и онъ, пожалуй, не повѣритъ, потому что ни въ одной книгѣ чудесь такихъ не найдешь. Каждую ночь стѣны дворца оглашались рыданіями. Плакали камни! Мало этого, со всѣхъ ограбленныхъ кладбищъ еврейскихъ приходили сюда плакать мертвецы, лишеныя своихъ надгробій. Кто проходилъ ночью, тотъ видѣлъ, какъ бѣлыя фигуры становились каждая у своего камня и, прислонясь головой къ нему, причитала до утра. Вѣтеръ разметывалъ во всѣ стороны ихъ волосы, разбрасывалъ бѣлые саваны, но не могъ заглушить ихъ отчаяннаго вопля. Наконецъ черезъ недѣлю умерли ханскія дѣти. Ни одного въ живыхъ не осталось; послѣ нихъ умерли его жены; въ пятомъ актѣ этой горской мистеріи умираетъ самъ ханъ, всѣ его приближенные; все, что дышало въ этомъ дворцѣ,—все погибло. Не осталось ни одного коня, ни одного пса, даже несчастныя кошки подошли. Послѣ того и мертвецы перестали посѣщать это гибельное для всего живого мѣсто. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ здѣсь попробовали вновь поселиться люди—и опять вымерли.

Развалины, говорятъ, стоятъ и до сихъ поръ мрачныя и безлюдныя. Татары мимо нихъ и ходить боятся. Сибльчака, пожалуй, мертвецы задушатъ, какъ задушили они хана, не пожалѣвъ ни жены его, ни дѣтей ни садовъ, ни осла, ни всякаго скота его. Легенда объясня-

ется очень просто. Камень на могилы употребляется здѣсь ноздреватый. Въ немъ, можетъ быть, сохранились испаренія отъ гнѣющихъ подъ тонкимъ слоемъ земли труновъ и первые обитатели сказочнаго дворца въ знойное лѣто погибли всѣ отъ зараженнаго воздуха этого горскаго Тюильери.

Вотъ круто внизъ сбѣгаетъ узенькій проулочекъ. По правую и по лѣвую сторону его журчатъ ручьи по камнямъ. Вездѣ сакли съ лавками и мастерскими. Оттуда гремятъ молоты, слышатся татарскія пѣсни, популярныя въ средѣ горскихъ евреевъ. Голые до пояса работники выскакиваютъ поминутно на улицу, поболтаютъ съ сосѣдями и опять за дѣло. И все это стремглавъ, все это стгоряча, точно надъ ними рушится крыша или земля проваливается подъ ногами. Переулокъ оказался, къ удивленію, вымощеннымъ, но не на радость намъ. Изъ сакель выливаютъ сюда всякую неподходящую жидкость. Поэтому спускъ до того скользокъ, что моя лошаденка раза два разбѣжалась, широко раздвигая ноги. Наконецъ толпа, сопровождавшая насъ, помогла горю. Нѣсколько человѣкъ уцѣпились за хвосты лошадей и въ то время, какъ послѣднія скользили внизъ, живые тормазы тянули ихъ за хвосты назадъ. Шествіе это было столь комично, что я нѣсколько разъ принимался хохотать, потѣшаясь надъ серьезною важностью Магомы, принимавшаго помощь сановито и благосклонно, какъ нѣчто достойное и неизбежное. При этомъ „носители хвоста“ оглушали насъ криками, подобныхъ которымъ мы нигдѣ

не слышали. Я думаю, что отъ этихъ воплей другая, не горская лошадь давно-бы стремглавъ кинулась внизъ, оставивъ хвостъ, какъ трофей побѣды, въ рукахъ у неистовыхъ горлановъ.

Чтобы понять оригинальность этой картины, представьте себѣ пестроту народа, горячій свѣтъ уже заходящаго солнца, обливавшій и насъ, и нашу свиту, и сѣрыхъ мазанки, и зеленую лѣсную долину внизу, и молчаливые силуэты туманныхъ горъ по сторонамъ.

А ночь ужъ наступала и, по мѣрѣ того, какъ гасла рѣка, какъ контуры лѣса теряли своеобразныя формы и сливались въ одно синевато-сѣрое море, какъ изъ-подъ нашихъ глазъ въ синіе сумерки уходили узкіе переулки люднаго аула, какъ на западѣ розовая полоса все узи-лась и узи-лась,—смокали и говоръ толпы, и бряцаніе бубенцовъ на ослахъ, шлявшихся на улицахъ, и пѣсни молодыхъ дѣвушекъ, ткавшихъ на кровляхъ своихъ са-кель пестрые снурки, производствомъ которыхъ славятся еврейскіе аулы горнаго Дагестана... Скоро изъ тихаго, словно ползкомъ разбѣгавшагося гула громко выдѣлялся стукъ отъ копытъ нашихъ лошадей да гулъ рѣченки въ порогахъ. Толпы, провожавшія насъ, поотстали. Каждый торопился домой.

Сумерки ступались... Чѣмъ ниже спускались мы, тѣмъ становилось сырѣе и прохладнѣе. Тутъ уже подымался туманъ... И вмѣстѣ съ туманомъ донеслось къ намъ благовонное дыханіе азалій, смѣшное съ дивнымъ ароматомъ кавказской дафны... Скоро направо и налѣво

сакли стали порѣже; мы выѣзжали на край аула, гдѣ жилъ кунакъ Магомадъ-оглы.

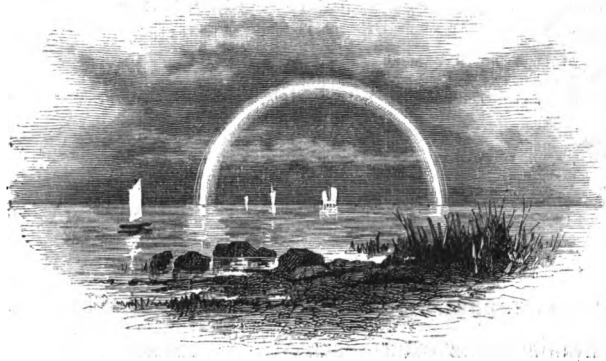
Вотъ въ туманѣ сверкнулъ огонекъ и кто-то взялъ подъ уздцы мою лошадь.

— Барухъ-габо!..

— Шеломъ-алейхемъ...

Чувствую, что кто-то держитъ стремя; пора-бы съ лошади сойти, а голову такъ и клонить, глаза смыкаеть дрема... Должно быть, страшно затомился за весь этотъ богатый впечатлѣніями день, да и запахъ цвѣтовъ душилъ до одури; а тутъ еще откуда-то только-что распустившимся миндальными деревьями пахнетъ!.. Или, можетъ быть, лавровишни зацвѣли... это ихъ густой ароматъ.

Послѣднее впечатлѣніе—какое то бородатое лицо внизу да крупная золотая звѣзда въ вышинѣ темно-синяго ночного неба... Потомъ унылая, за сердце хватающая пѣсня, но слышаль-ли я ее дѣйствительно или во снѣ приснилась—хоть убейте, ничего уже не помню.

VII.

Израиль всинствующій у себя дома.

дивительно замираетъ мысль въ царствѣ горныхъ вершинъ.

Кругомъ все такъ громадно. Въ гордомъ величїи стоятъ эти гиганты, блистая снѣговыми коронами и подпирая недостигаемая голубыя выси. Безпросвѣтную глушью лѣсною одѣты ихъ крутыя подножья. Вѣчно зеленые остролисты заполонили ущелья. Въ ихъ сыромъ и молчаливомъ сумракѣ мелкаютъ вѣтвисторогія головки красивыхъ козуль. Съ нагорныхъ скалъ гремятъ неугомонные водопады, неизвѣстно сколько тысячелѣтїй долбя вершины сѣрыхъ утесовъ внизу, и бѣгутъ дальше кристалльными ручьями. Вьется такой ручей по сырому лѣсу, пробивается сквозь массы гнѣющихъ вѣтвей бу-

реломы, опрыскиваетъ холодною влагою громадныя оранжевыя грибы, точно шапки чьи-то, разбросанныя по мягкимъ низинамъ. А въ миндальную рощу попадаетъ—весь розовыми цвѣтами усыплется. И не видать чистыхъ струйъ подъ этимъ благоухающимъ слоемъ лепестковъ, свѣянныхъ тихимъ вѣтромъ съ вѣтвей, тутъ-же чуть-чуть вздрагивающихъ надъ ними. А тамъ дальше, гдѣ миндальнымъ рощамъ конецъ, цѣлое море фіалокъ. Зайдешь сюда—спрячутся за раскидистыми вершинами обступившихъ тебя каштановъ горныя выси—и снова работаетъ мысль снова чувствуетъ она свою мощь! И любо ей среди зеленаго царства, и привольно ей подъ этими тѣнистыми сводами.

Проснулся я рано и первое впечатлѣніе было — эти чудныя горы съ каменнымъ великолѣніемъ ихъ утесовъ, съ смутными призраками тумановъ, цѣплявшихся, мѣняя свои очертанія, за темныя скалы съ густою синью ущелий. Тянуло туда. Эта заманчивая синь особеннымъ образомъ дѣйствуетъ на душу, она неизвѣстностью своей околдовываетъ. Вѣдь знаешь, что и тамъ такіе-же плоскокровельныя аулы, а чудится все-таки что-то сказочное, зовущее, невѣдомое. Тутъ точно все извѣдано, все опостылѣло, а настоящее поэтическое, ласковое, обязательное—тамъ, именно за этою таинственною синью.

— Хахамъ, хахамъ!.. послышалось позади.

Въ окно смотритъ кудлатая голова, за нею Магомать-оглы.

Въ саклѣ уже горѣлъ каминъ и въ огнѣ его пыхтѣлъ и ворчалъ маленькій котелокъ. Точь-въ-точь лапландская

тупа; изъ грубаго камня сложено устье камина, глиняная труба доходить до крыши. Закрываютъ ее также доской, придавливая ее камнемъ. Одно неудобство въ этихъ сакляхъ: въ нее не входить, а вползать приходится. Дверь низенькая. А изъ комнаты въ комнату еще и того хуже: какія-то норы, звѣриныя лазейки. За то чисто очень. Стѣны видимо смазываются часто известкой, глиняный полъ убитъ плотно и на немъ нѣтъ никакого сора. Разная посуда такъ и блеститъ на полкахъ, высокіе кувшины по угламъ съ изящной рѣзьбой. Есть и серебряныя, тѣ на виду красуются вмѣстѣ съ громадными мѣдными подносами, на каждомъ изъ которыхъ легко могла-бы помѣститься одна изъ семи тучныхъ коровъ, видѣнныхъ во снѣ Фараономъ. И зеркала даже есть, но вродѣ нашихъ деревенскихъ, покзывающія два носа вмѣсто одного, какое-то строфокамилово яйцо вмѣсто глаза и что-то вродѣ колоссальнаго ежа вмѣсто кудлатой головы нашего хозяина. Вокругъ зеркала—пашки, пистолеты, ружья, кинжалы, даже два турецкихъ ятагана. Пистолеты въ серебряной оправѣ съ чернью, ружья съ серебряной насѣчкой. Постели до потолка и сундуки одинъ на другомъ довершаютъ убранство комнаты. Кровля поддерживается деревянной балясиной, вродѣ очень не изящной коловы. Она вся увѣшана оружіемъ. Тутъ цѣлый арсеналь. Горные евреи столь-же гордятся этими смертоносными орудіями, сколько гордятся ими чеченцы и лезгины. Оборванецъ изъ этого израиля воинствующаго, поражающій васъ невозможными лохмотьями, откровенно выказы-

вающими всё прелести его сильного, хоть и не совсемъ красиваго тѣла, непременно щегольнетъ парюю пистолетовъ съ окованными въ серебро головками или великолѣпнымъ кинжаломъ съ сплошь унизанною бирюзою рукоятью. Тутъ, въ горницѣ, кунацкой, даже очень красиво было. Свѣтъ яркаго дня билъ прямо въ открытыя окна и выхватывалъ изъ сумрака пестрые разводы шелковыхъ матерій, развѣшанныхъ по стѣнамъ, пурпурныя наволочки круглыхъ цилиндрическихъ подушекъ, одѣяло изъ ярко-зеленой мови, и въ тысячи искръ дробился, скользя по цѣлому арсеналу разнаго оружія. Какая-то бабенка съ завѣшаннымъ лицомъ внесла и разслала кубинскій коверъ.

Если-бы я былъ настоящій хахамъ, т. е. еврейскій ученый, для моего приѣма хозяева исполнили-бы цѣлый рядъ церемоній. Цѣлый день меня осаждали-бы посѣтители толпами. Вся подноготная аула раскрылась-бы передо мной въ ихъ разсказахъ, потому что „гостю не должно быть скучно ни подъ какимъ видомъ“. Въ свою очередь, и я-бы долженъ былъ разсказать тысячу разъ, зачѣмъ, куда и откуда ѣду, и что я встрѣчалъ на пути, какіе народы видѣлъ и какихъ обычаевъ эти народы держутся, сообщить всё новости видѣнныхъ мною странъ, разсказать о своей семьѣ и своемъ городѣ все, что знаю, толковать о политикѣ Фиренгистана, о коварствѣ инглиза, объ ученыхъ муллахъ, къ которымъ, несмотря на свою вѣру, евреи относятся съ величайшимъ уваженіемъ. Нельзя точно опредѣлить, къ кому они чувствуютъ больше

почтенія—къ раввину или муллѣ, который пишетъ имъ всевозможныя бумаги, даетъ имъ совѣты, служить для нихъ чѣмъ-то вродѣ мирового судьи, посвящаетъ ихъ въ таинства магіи и чародѣйства. Хахама, если онъ бѣденъ, надѣлать деньгами и хлѣбомъ и проводить до слѣдующаго села, такъ что ученый раввинъ можетъ пропутешествовать по всѣмъ горнымъ ауламъ израиля воинствующаго, не истративъ ни копѣйки. Напротивъ, еще съ собою привезетъ не большія деньги.

Хозяинъ мой оказался человѣкомъ очень недюжиннымъ. Это былъ настоящій типъ воинственнаго горца. Магомадъ-оглы рекомендовалъ его, какъ храбреца, не разъ вовремя оно схватывавшагося съ нами. Въ самомъ дѣлѣ, Мамре-ага (почему мой проводникъ произвелъ его въ „аги“—не знаю) изъ молодежи своего аула, въ отвѣтъ на призывъ Шамиля, составилъ не большой отрядъ, который сильно беспокоилъ русскихъ. Къ этой отчаянной шайкѣ примкнули нѣкоторые окрестные мусульмане, все не считавшіе позоромъ подчиниться вождю изъ племени израилева. Мамре-ага былъ не только воинственнымъ горцемъ, но и ловкимъ шпиономъ считался,—разумѣется, для своихъ. Явится, бывало, въ русскія войска подъ видомъ торговца, высмотреть все, не упустить случая съ выгодой распродать барановъ или битую дичь, а ночью—руководить набѣгомъ и самъ во главѣ своихъ узденей вихремъ врывается въ успѣвшія построиться и оцетившіяся штыками колонны. На лбу и на щекѣ у Мамре до сихъ поръ громадный рубецъ багровѣетъ—слѣдъ отъ

сабельнаго удара лихого кубанца, который, впрочем, самъ попался ему въ плѣнъ и цѣлую недѣлю высидѣлъ у него въ ямѣ подь саклей. Нужно было посмотрѣть на яму, чтобы убѣдиться, какъ скверно здѣсь было плѣнно-му. Земляныя стѣны, окно сверху, если считать окномъ дыру какую-то,—ничѣмъ не лучше бухарскаго клоповника. Сверху въ дождь леть, а вздумается хозяину или остервенѣвшимъ бабамъ закрыть отверстіе доской—хоть задохнись тамъ, среди невыносимаго смрада и безпросвѣтной тьмы.

— Ну, а потомъ что-же было?

— Заболѣлъ, совсѣмъ съ лица опалъ; заговариваться сталъ. То пѣсни поеть, то плачетъ,—ну, и пожалѣли его.

— И умеръ?

— Нѣтъ, мы его взяли оттуда. Вывели, въ саклѣ жилъ. Только на цѣпи. Потомъ Гаджи-Мурату продалъ его!.. Пять тумановъ взялъ.

И все это совершенно равнодушно, точно онъ медвѣдя поймалъ, подержалъ его на цѣпи, а потомъ и сблъ выгодно любителю.

— Зачѣмъ-же больного-то на цѣпь сажать?

— Да развѣ онъ баба?.. Онъ мужчина. А мужчину только цѣпью въ плѣну удержишь. Не обрѣжь орлу крылья, выше облаковъ подыметса, такъ и „настоящій человекъ“, изумлялся моей недогадливости Мамре-ага.

Я сталъ-было ему объяснять, что за-границей плѣнныхъ освобождаютъ на честное слово.

— Вотъ еще что выдумалъ!.. Это не мужи, это бабы,

только они по ошибкѣ папахи надѣли. Имъ-бы канаусовые шаровары да замужь ихъ отдать!.. Что они, развѣ курицы! Въ курятникѣ и свободно, только ястреба тамъ не удержишь. Только для курицы въ курятникѣ довольно мѣста. Воробью отвори клѣтку—и онъ вылетитъ на свободу.

Мамре-ага славился особеннымъ искусствомъ устраивать засады. Тутъ по всѣмъ окрестностямъ у него не было соперниковъ. Рассказывали про такіе случаи, гдѣ не зналъ я, чему удивляться, дерзости этого израильскаго кондотъери или его мужеству. Во главѣ пяти-шести человекъ ему удавалось пробираться за русскую цѣпь, въ районъ, занятый отрядомъ, и тамъ, высиживая по десяти, двѣнадцати часовъ въ кустахъ или въ травѣ, выхватывать нѣсколько жертвъ. Разъ, такимъ образомъ, онъ выпарапалъ чуть не изъ середины лагеря какого-то юнаго офицера, который, впрочемъ, не долго былъ въ горахъ. Повторилась исторія „Кавказскаго плѣнника“. Русский бѣжалъ изъ аула въ сопровожденіи одной изъ мѣстныхъ красавиць.

— Одно скверно, когда ваши съ собаками приходили. Тогда нельзя было. Собаки все вынюхаютъ.

— Этакая собака одна цѣлаго отряда стоитъ!.. прибавилъ Магомадь-оглы.—У нея сердце и мозгъ — чловѣчьи, философствовалъ онъ.

— Она не только въ бою, она и такъ выискиваетъ горцевъ, слѣды открываетъ, за версту его чувствуетъ.

— А когда до драки дѣло дойдетъ, собака впереди.

Прямо за горло хватаетъ. И любили-же ихъ ваши солдаты! Раненыхъ изъ бою выносили, лечили въ лазаретахъ своихъ. Холодно—подъ шинелями держали. Съ солдатами собаки эти спали вмѣстѣ, ѣли изъ одной чашки. Разъ мнѣ удалось живьемъ захватить такую въ одномъ набѣгѣ. Привезли домой, думали къ себѣ приучить. Нѣтъ! Ничего не ѣсть, только воетъ все, а подойдешь—зубы скалить и въ горло вцѣпиться норовить. Застрѣлили. Чтѣ съ ней дѣлать было иначе?

Я думаю, впрочемъ, что собаки эти могли-бы ѣсть и изъ одной посуды съ израилямъ воинствующимъ. До чего неопытны здѣсь евреи горные—представить себѣ нельзя. Я остановился въ саклѣ зажиточнаго человѣка, но и у него ни котлы, ни подносы, ни тарелки не были вымыты вовсе. Запахъ отъ всего отвратительный, такъ-что ѣшь поневолѣ, не желая обидѣть хозяина, который считаетъ оскорбленіемъ отказъ гостя отъ скверно и неряшливо-приготовленной похлебки. Къ тому-же и чесноку во все они валять сверхъ мѣры. Вина вамъ подадутъ—и стаканъ найдется, но въ стаканѣ этомъ грязи, мухъ, гадости всякой цѣлыми слоями налипло. Вымойте—на васъ посмотрятъ съ удивленіемъ, какъ на большого чудака и брюзгу. Вотъ-де охота человѣку возиться напрасно! Пожалуй-бы, обидѣлись даже! Деревянные кружки, на которыхъ подаются рыба, рисъ и т. д., насквозь жиромъ пропитаны; еще остатки вчерашней трапезы, насохшіе на нихъ, не отскоблены, а хозяйка преравнодушно валить новое вадро. Притомъ, не менѣе отвратительный обычай, по ко-

торому передъ началомъ обѣда глава семьи собственно-ручно рветъ чурекъ (хлѣбъ) на куски и кидаетъ эти куски присутствующимъ. Тѣ ихъ ловятъ на-лету.

— Дай тебѣ Богъ всякаго благополучія! отвѣчаетъ гость и сейчасъ-же проглатываетъ такой кусокъ. Я это дѣлалъ, стараясь не смотрѣть на руки своего амфитріона, который, повидимому, страдалъ водобоязнью, а объ мылѣ и помину нѣтъ.

— Примите, дорогіе гости!..

Вы оглядываетесь; за вами цѣлая процесія бабья разнаго, притомъ прегнуснаго вида, со всевозможными яствами, отъ которыхъ разить и прогорклымъ масломъ, и лукомъ. Тутъ и баранья похлебка, гдѣ курдючьяго сала больше, чѣмъ навара, и пловъ опять съ неизбѣжнымъ курдючимъ саломъ, и мясо съ чеснокомъ, и варенныя въ сахарѣ яблоки и сливы. Последнее не совѣтую пробовать. Въ это „сладкое“ евреи обильно прибавляютъ того-же универсальнаго курдючьяго сала. Больше всего въ ихъ обѣдѣ понравились мнѣ удивительно-ароматическія травы, которыя ѣдятъ съ хлѣбомъ.

Удивительно, сколько можетъ съѣсть еврей во время праздничнаго обѣда, какимъ считается обѣдъ, устраиваемый по поводу пріѣзда гостя. Куда нашимъ извощикамъ на постоянныхъ дворахъ! Тутъ — безъ конца. Пять разъ обнесутъ пловомъ, по три раза за хинкаль принимаются. На кутумъ насыдутъ—все уничтожатъ, что подано, а въ антрактахъ, для разнообразія и возбужденія аппетита, голловки лука и чеснокъ — нещадно истребляются! А тотъ-

же еврей въ будни у себя за столомъ, кромѣ чурека да чеснока, ничего не видитъ и сытъ и доволенъ бываетъ. Тѣмъ не менѣе, я думаю, что такихъ растяжимыхъ желудковъ ни у кого нѣтъ.

Большое вниманіе и особенная честь со стороны хозяина, если онъ самъ, собственными своими пальцами, разорветъ для васъ вареное мясо на куски или точно такимъ-же порядкомъ предложить вамъ копченую рыбу... Еще странный обычай. Встрѣчая евреевъ въ Россіи, и особенно въ западныхъ губерніяхъ, вы привыкли къ ихъ умѣренности. Народъ трезвый; пьяный еврей—рѣдкость. Нравы израиля воинствующаго не таковы. Вино они пьютъ до остервенѣнія. Тосты провозглашаютъ одинъ за другимъ.

Право, подумаешь, что это наши братья славяне.

— Здоровье твоего дѣда! обращается къ вамъ хозяинъ, когда весь наличный составъ болѣе близкихъ родныхъ истощенъ. — Хорошій человекъ былъ! заключаетъ онъ, точно очень близко знакомъ съ нимъ былъ.

— Большой джигить! прибавляетъ другой, думая, что все это вамъ доставляетъ особенное удовольствіе.

Пьютъ всё, желая здоровья вамъ и мирно почившему предку вашему. Вы пробуете объяснить, что „большой джигить“ давнымъ-давно въ землѣ сырой. „Ну, все равно, тамъ ему будетъ лучше!..“ —И они благочестиво возносятся очи горѣ.

— За кунаковъ кунака твоего! За братьевъ друга твоего!

Пьютъ.

— Чтобы пистолеть твой никогда не давалъ осѣчки!

— Чтобы въ полѣ у тебя кукуруза всегда родилась!..

— Пусть Господь пошлетъ ангеловъ въ сады твои!

И за ангеловъ пьютъ.

— На посрамленіе твоихъ враговъ!..

— Чтобы подъ ними лошадь всегда спотыкалась!

И по поводу враговъ выпили.

— Чтобъ твоя папаха дольше носилась!

Бываютъ очень неподходящіе тосты, весьма скабренаго содержанія, недоказывающіе, чтобы израиль воинствующій былъ особенно на языкъ воздерженъ.

Только за женщинъ не пьютъ. Большой нескромностью считается о женщинахъ говорить или интересоваться здоровьемъ жены, дочерей, сестеръ... И рады вы, когда, наконецъ, пирушка заключается послѣдними тостами и охмѣлѣвшіе, но неизмѣнно хранящіе восточную солидность гости или расходятся, или похрапываютъ у стѣнъ, опираясь на мягкія подушки, до тѣхъ поръ, пока сыновья не растащутъ ихъ по домамъ. Дѣлается это въ сумерки, потому что горецъ ни за что не покажется на улицахъ своего аула пьянымъ среди бѣлаго дня. Это считается большимъ позоромъ. „У него соломенные ноги!“ говорятъ про такого.

Подъ вечеръ, когда синимъ сумаркомъ окутало окрестности и вся гора уже засвѣчивалась огоньками, робко еще боровшимися съ послѣдними отсвѣтами отгорѣвшаго дня, у дверей сакли послышалось громкое ржаніе коней

и говоръ многихъ голосовъ. Видимо, совершалось что-то важное, потому что бывшіе въ саклѣ встрепенулись и зашептались.

— Должно быть, наши пріѣхали!.. Съ погони!..

Въ саклю почтительно вошло четверо молодыхъ людей. Красавецъ къ красавцу—точно на подборъ. Вотъ-бы питерскимъ барынямъ показать! Черты тонкія, красивыя, складъ тѣла сильный, но стройный. Плечи широкія, талія въ перехватъ.

— Ну, что, выслѣдили?

— Нашли... Лисица показала хвостъ.

— Что-жь вы ее не поймали?.. А еще молодцами называетесь! Вамъ-бы у аульной печки хлѣбы печь съ бабами да сплетничать съ ними, да мѣрять, у кого шаровары шире... Ой, вы!.. Еще жениться собираетесь. Да васъ бабы иголками обидятъ и жаловаться вы на нихъ побѣжите своей бабушкѣ или матери... Безсовѣстные!.. Васъ-бы посадить на яшаконъ, лицомъ къ хвосту, да и провезти такъ по аулу. Дѣвки блудливыя!..

Молодежь молчала.

— Или она васъ хвостомъ напугала, лисица эта?

— У лисицы лисенятъ много...

— Что-жь, они шайкой одной?

— Вмѣстѣ всѣ. Два дыма было, а за каждымъ дымомъ по шести человекъ сидѣло. За подмогой вернулись.

Я не понималъ, въ чемъ дѣло. Оказалось потомъ, что украденную дѣвушку отбивать собирались. Похитители прятались въ окрестностяхъ. Преслѣдователи нат-

кнулись на нихъ, да спасовали. За двумя кострами двѣнадцать удалцовъ оказалось.

— Что-жь, она плачетъ?

— Какое, — смѣется! Поди, говорить, скажи роднымъ, что не хотѣли отдавать по согласію, я и такъ обошлась.

— Говорили отцу?

— Нѣтъ... „Арисъ“ (женихъ законный, отъ котораго она бѣжала) въ аулъ послалъ. Совсѣмъ потѣрялъ голову, бѣдный.

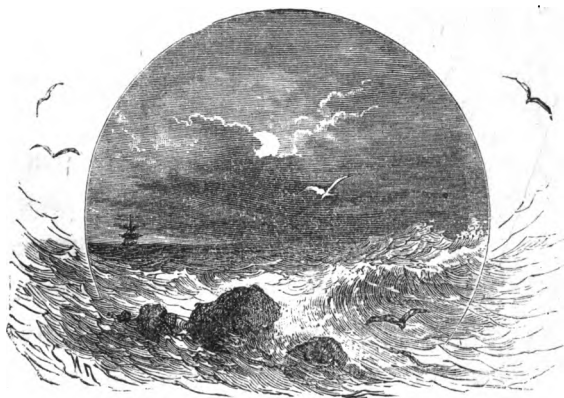
— Чего-же вы сюда-то сунулись?

— Да вашихъ храбрецовъ звать пришли.

Двое племянниковъ хозяина вызвались ѣхать. Понятно, что и я не могъ пропустить этого зрѣлища, тѣмъ болѣе, что оно скорѣе походило на офенбаховскую оперетку, въ который недремлющіе стражи порядка, *messieurs les carabiniers*, проходятъ мимо самаго носа разбойниковъ, великодушно ихъ не замѣчая, тѣмъ на настоящую трагедію съ воплями и стонами, съ кинжальными ударами, кровью и чадомъ пожарищъ... Дѣло должно было окончиться неизбѣжно миромъ. Погоня была формальностью. Только слѣдовало попытаться отбить украденную родственницу, которая недѣли черезъ три, все равно, сама явится. Да и всякій изъ преслѣдователей при подходящемъ случаѣ сдѣлалъ-бы то-же самое.

Когда мы вышли садиться на лошадей, ночь уже зажегла въ темныхъ небесахъ мириады своихъ неугасимыхъ лампадъ и вой чекалокъ уже замиралъ въ глуши окутанныхъ мракомъ ущелій... Было свѣжо, хорошо, пахло ска-

біозами, лошади бодрились и постукивали копытами о землю. Въ аулѣ блистали огоньки... Гдѣ-то слышалась гортанная пѣсня и какія-то струны трепетали медлительно и нѣжно. „Другъ мой, другъ далекій, вспомни обо мнѣ!“ такъ и хотѣлось крикнуть прямо въ лицо этой холодѣющей ночи...

VIII.

Офенбаховскіе разбойники и еврейская самскрутна.

хъ, какая это была чудная
ночь...

Наши кони, сторожко храпа
и потряхивая головами, подни-
мались въ горы. Путь былъ
крутъ, такъ что лошади бук-
вально цѣплялись за каждый
выступъ камня передними но-
гами, упираясь въ твердую поч-
ву задними. Сучья съ благо-
вонными цвѣтами хлестали въ
лицо, и немудрено: среди этого

теплаго мрака тропинка казалась черною щелью. Не раз-
личишь, гдѣ нагнуться, гдѣ нѣтъ. Ни одной звѣзды
вверху, потому что вершины деревьевъ переплетались въ
непроницаемые своды. Тамъ слышался порою тихій шел-
естъ, хотя вѣтра и въ поминѣ не было. Точно размахъ

какихъ-то мягкихъ крыльевъ порою мимо ушей. Разъ что-то теплое, мягкое, бархатистое ударило мнѣ прямо въ щеку и съ тихимъ пискомъ шарахнулось въ сторону. Противное ощущеніе— должно быть, летучая мышь. Въ черной чащѣ порою бриліанты, изумруды и яхонты вспыхивали, смѣшиваясь съ золотистымъ блескомъ желтаго топаза и краснаго рубина. То по одиночкѣ, то кучками, точно въ воздухѣ дрожать и мерцаютъ головные уборы лѣсныхъ силфовъ. Посвѣтить, посвѣтить, перемѣнить нѣсколько цвѣтовъ и вдругъ потухнетъ, точно водою вспрыснутая искра. Одинъ поворотъ тропинки—и новая чудная деталь этой великолѣпной картины. Тихо журчитъ лѣсной ручей, сонно, медлительно, словно спать ему самому захотѣлось, словно эта молчаливая ночь унимаетъ его шаловливыя серебряныя струйки. Надъ нимъ выются нѣсколько свѣтляковъ и отраженіе ихъ зыблется въ водѣ; ни позади, ни впереди ручья не видно, только одинъ этотъ лоскутокъ...

Тропинка все круче и круче. Приходится, чтобы не тянуло назадъ, нагибаться къ самой шеѣ коня.

— Сойти съ лошадей надо! говорить мнѣ уязвавшійся за нами Магомадъ-оглы.

— Зачѣмъ?

— Трудно... Вонъ впереди всѣ уже пѣшкомъ идутъ. Только подъ уздцы возьми.

Такъ и сдѣлали.

Наверхъ, дѣйствительно, трудно было подыматься, тѣмъ болѣе, что подъ ноги совались постоянно, должно

быть, узловатые, свившіеся, какъ змѣи, корни деревьевъ. Наткнешься и летишь лицомъ въ сочную траву. Да и подозрительное шуршаніе какое-то по сторонамъ слышится. Не змѣи-ли, недаромъ самая гора называется Змѣиной.

— Что, развѣ тутъ змѣй много?

— Прежде было... Царь ихній жилъ на этой горѣ. Въ пещерѣ...

— Кто-жь его видѣлъ?

— Никто. Только и до сихъ поръ въ этой пещерѣ золотыя кольца да битую посуду, изъ которой ѣлъ онъ, находятъ... Могучій царь былъ: Могъ всякій образъ принять на себя. И волкомъ, и лисицей, и чекалкой, и мѣдвѣдемъ. У него на головѣ три короны блистали: одна рубиновая, другая яхонтовая, а третья алмазная... Большой былъ царь. Каждый день ему по три мальчика и по три дѣвочки приносили, за то змѣи не трогали никого. Ваша Мириамъ (Богоматерь) помогла. Дочь одного священника должна была идти на съѣдѣніе змѣиному царю. Ну, отецъ молиться сталъ. Мириамъ приняла ея образъ и вмѣстѣ нея пошла къ змѣѣ. Какъ увидѣлъ ее змѣиный царь, дрогнулъ и въ самое нутро горы вползъ со всѣми своими подданными. Изъ пещеры въ „сердце“ горы жила тянулась. Ну, тогда Мириамъ заклала змѣй, чтобы онѣ вышли изъ своей тюрьмы только тогда, когда кто-нибудь на этой горѣ храмъ ея разрушитъ...

— А развѣ здѣсь есть церкви?

— Древняя стоитъ... Пустая давно...

— Магомадь-оглы, будь другомъ покажи...

Въ моемъ воображеніи такъ и возникла разомъ повѣстическая картина развалины въ темномъ царствѣ этого дремучаго лѣса.

— Послѣ... Вотъ догонимъ невьсту, а тамъ видно будетъ... Да они далеко еще, развалины эти. Ну какъ заклала Мириамъ змѣй, ни одна не показывается здѣсь. Только какъ заночуешь на горѣ, такъ ночью слышится, какъ внутри, далеко, далеко подъ землю, что-то шуршать, и стонеть, и шикаеть, и свищеть. Это онѣ... Это царь змѣиный ищетъ выхода, да не находитъ его, и шипитъ отъ злости. А то волкомъ въ горѣ завоюетъ или, какъ ребенокъ, плакать начнетъ. Тоже на свѣтъ выйти хочеть. А то у него тамъ дня нѣтъ, все ночь, хоть и живеть онъ въ алмазныхъ палатахъ, гдѣ чудесныя звѣзды горять...

Иногда по сторонамъ болѣе зловѣщіе звуки слышались. Что-то тяжелое, грузное, массивное шарахнулось отъ насъ въ чащу, такъ что долго послѣ того трещали сучья, все тише и тише, и замиралъ шорохъ встревоженнаго звѣря. Хорошо еще, если такимъ образомъ кабана вспугнешь, а то вѣдь въ эти горы зачастую и тигръ жалуетъ, а про леопарда и толковать нечего — постоянный гость. Выхватить-же изъ насъ любого и труда особеннаго нѣтъ... Оружіе за спиною, бредемъ черезъ силу, темно, и не увидимъ даже, какъ не досчитаемся товарища. Положеніе скверное. Даже передовые остановились, видно переговариваются, что дѣлать?..

— Въ прошломъ году также мохнатый чортъ унесъ

Абдуль-Рахима. Потому только обрывки платья, папаху да кости нашли.

— А помнишь, какъ здѣсь звѣръ русскаго чиновника попортилъ?

Толковали, толковали и не нашли ничего лучшаго, какъ зажечь сучья какого-то сильно пахучаго смолистаго дерева и съ этими импровизированными факелами идти впередъ. Всѣ остановились на нѣсколько минутъ. Слышимъ, какъ ломаются вѣтви. Лошади пугливо храпятъ, а ночь еще чернѣе, еще непрогляднѣе...

Вонъ вспыхнуло ярко-красное пламя. Другой огневой языкъ выхватилъ изъ тьмы сѣрые стволы какихъ-то сумрачныхъ великановъ; третій еще дальше загорѣлся, освѣтивъ какое-то бородатое лицо, сияющее самой беззавѣтной дѣтской улыбкой. Четвертый прямо передъ понуренной мордой вороного коня. И трещать сучья, и раскидываютъ по сторонамъ снопы яркихъ искръ. Вмѣстѣ съ свѣтомъ послышались шутки. Кое-гдѣ смѣхъ, громкій, откровенный. Дали и мнѣ цѣлый пучъ смолистыхъ вѣтвей; зажечь у Магомада; смотрк—надо мною въ вышину висять, какъ борода, длинныя волокна чужеядныхъ, перебрасываясь съ одного дерева на другое. Такой длинной бахромы, пожалуй, и надъ тронами средневѣковыхъ сюзереновъ не колыхалось съ ихъ торжественныхъ катафалковъ. Теперь вся тропинка съ ея извилами намѣчивается чудесно. Вонъ огоньки впереди повернули вправо, круто повернули, точно мы назадъ собираемся идти. Вотъ налѣво взяли... Какіе-то сѣрые камни по сторо-

намъ. Неужели близка вершина, что пошли утесы? Мой факель освѣщаетъ чью-то широкую спину впереди и крупный задъ сѣраго коня, помахивающаго хвостомъ.

— Теперь безопасно, говорить Магома рядомъ.— Ни одинъ звѣрь на огонь не пойдетъ. Особенно, какъ увидить, что насъ много.

Общительность евреевъ сказалась и при этомъ. Пока темно было, всѣ молчали; точно ночь давила. Теперь молодежь расхвасталась такъ, что передъ ея воображаемыми подвигами поблѣднѣли-бы блистательныя дѣянiя сказочныхъ Рустема и Зораба. Чего, чего тутъ только не было. Одинъ разъ съ тигромъ схватился и задушилъ его голыми руками, „какъ щенка“, другой съ дерева десять медвѣдей перестрѣлялъ. Точь-въ-точь наши охотники, одною пулей двухъ зайцевъ пронизывающiе и ею-же случайно убивающiе покоившагося впереди медвѣдя! Самый краснорѣчивый изъ нихъ слышалъ, притаеся въ чащѣ, какъ два звѣря въ лѣсу разговаривали по-лезгински, въ чемъ остальные не нашли ничего невѣроятнаго. Израиль воинствующiй твердо вѣруеть, что душа наша по смерти переселяется въ различныхъ животныхъ на болѣе или менѣе продолжительное время, чтобы „настрадаться“. Послѣ того ее очищаютъ сквозь огонь въ аду и, наконецъ, водворяютъ на жительство въ рай. Точно также мнѣ рассказывалъ одинъ еврей, что онъ видѣлъ, какъ на кладбищѣ купался въ чанѣ съ водою только-что схороненный его прiятель. Для этого они нарочно ставятъ у могилъ воду. Это — тоже очищенiе. Дѣло въ томъ, что

душа не тотчасъ-же оставляетъ тѣло. Она триста дней находится въ могилѣ вмѣстѣ съ трупомъ и нельзя-же ей въ этомъ неопрятномъ видѣ возлетѣть въ горнія. Употребляютъ-ли столь чистоплотныя души при этомъ казанское мыло, покрыто мракомъ неизвѣстности. Что, если-бы еврей за-живо подражали своимъ душамъ и не были одержимы водобоязнью, на-сколько выиграло-бы это племя въ красотѣ и приличіи!

Вѣрованіе о пребываніи души въ могилѣ находитъ подтвержденіе въ томъ, что разрытыя могилы обнаруживали часто трупы въ иномъ положеніи, чѣмъ то, въ какомъ ихъ хоронятъ. Евреи кладутъ своихъ покойниковъ въ продолговатую яму, аршина три глубины, прямо въ землю, на спину, лицомъ къ верху. Надъ нимъ съ аршинъ оставляютъ свободное мѣсто, для чего устраиваютъ надъ покойникомъ родъ крыши изъ досокъ. Сверху яма заваливается землею.

— Какъ-же онъ повернулся-бы въ могилѣ, если-бы души съ нимъ не было?..

— Надоѣло ей лежать на одномъ боку — легла на другой. Самыя грѣшныя души поворачиваются лицомъ въ землю. Поворачиваются и отъ другихъ причинъ.

Разъ умеръ старикъ-еврей. Сынъ его сталъ обижать свою мать. Старикъ въ могилѣ услышалъ и постарался выйти; долго онъ сидѣлъ приподнять доски, наконецъ удалось. Душа его вышла, задушила непочтительнаго и преступнаго сына и вернулась въ могилу. На другой день надъ нею оказалась земля взрыхленною и сѣвозъ нее выглядывали углы приподнятыхъ досокъ...

Наконецъ лѣсъ порѣдѣлъ и въ просвѣтахъ его загровѣло какое-то яркое зарево...

Я было приостановился.

— Тамъ, должно быть, указаль Магома.

— Кто... что?

— А храбрѣць, что арусу увезъ...

Наша партія шла съ веселымъ смѣхомъ, безъ всякой осторожности. Мраченъ и молчаливъ былъ только одинъ оставленный женихъ—арась.

Чѣмъ ближе, тѣмъ ярче въ просвѣтахъ пылаеть красное зарево. Черные силуэты деревьевъ на немъ обрисовались каждою своею вѣтвю, даже сквозь листву прорывается багровый свѣтъ и вся она точно нарисована на немъ,—каждый зубчикъ листа, каждая арабеска переплетающихся сучьевъ. Какая-то большая птица сидитъ на голой вѣтви и вся на красномъ фонѣ выдѣлилась...

Крики и оттуда доходятъ...

Къ самой опушкѣ подошли... Небольшая полянка, огневое пятно ярко горящаго костра посередкѣ... Масса ослѣпительно сверкающихъ углей, черныя колоды только что срубленныхъ деревьевъ, обвиваемыхъ темнымъ дымомъ. Цѣлыя снопы взвивающихся кверху искръ. За костромъ утесъ. Только верхушка его видна надъ пламенемъ и точно сплошь облита кровью. Огненные руки цѣпляются за нее, отбрасываются назадъ и снова въ отчаяніи схватываютъ ближайшія деревья. Дотронутся до вѣтви и позолотятъ ее, доселѣ совершенно темную. Золотится, золотится, разсыпается искрами, и нѣтъ ея.

Узкія, вьющіся жала пламени разбѣгаются вокругъ костра по землѣ, то оближутъ кустарникъ, то едва замѣтною струйкой проникнутъ внутрь его и вдругъ оттуда вылетятъ цѣлымъ клубомъ блѣдно-чернаго дыма, на который громадный костеръ кидаетъ свои багровые отбѣнки и отсвѣты. А тамъ; смотришь, съ тихимъ шелестомъ свертываются, сжимаются и тлѣютъ красивые бѣлые цвѣты. Сочные сучья куста еще держатся, да и имъ не выстоять. Огненное жало дѣлаетъ свое дѣло. Легкій трескъ пройдетъ по нимъ, завьются и закружатся они, осыпая точно градомъ помертвѣвшія листья, и скоро на мѣстѣ куста еще одно огненное пятно выхватываетъ изъ мрака ближайшіе къ нему коричневые стволы какихъ-то лѣсныхъ великановъ изъ скрывавшаго ихъ сумрака. Въ дыму костра порою грузно шмыгнетъ встревоженный ястребъ, на минуту точно краснымъ платкомъ взмахнули тамъ — и нѣтъ уже очнушагося хищника и долго его недовольный клекотъ слышится въ чернолѣсьи...

На огненномъ фонѣ черныя фигуры. Видимо, онѣ насъ услышали и насторожились, привстали. Вонъ черный силуэтъ человѣка и тонкая линія ружья у него въ рукахъ; черное на красномъ фонѣ. На пурпурную скалу, позади костра, человѣкъ взобрался. Онъ совершенно краснымъ въ пламени кажется. Храпѣнье коней изъ лѣсу. Одинъ къ костру подошелъ и тоже чернѣетъ на его огнистомъ пятнѣ. Кто-то въ сѣдло садится. Женскій голосъ. Вотъ и она сама, граціозная, тонкій станъ, узкопокатыя плечи, широкіе разливы бедръ, формы которыхъ не скрадываются хорошо обмятымъ платьемъ.

Черные клубы дыма заслонили краснаго челоуѣка на красной скалѣ. Но свѣтлая струйка точно брызнула вверхъ оттуда и сквозь трескъ и свистъ костра грянулъ выстрѣлъ. На огнистомъ фонѣ костра замелькали люди и вырисовались тонкія черточки горскихъ винтовокъ.

— Труссы, собаки! ореть наша партія и разомъ изъ двѣнадцати стволовъ стрѣляетъ въ воздухъ.

Запахъ пороха билъ въ носъ. Чувствуешь головокруженіе какое-то. Возбуждаетъ—весело.

— Дьяволы подлые! Давно-ли щенята орловъ ловятъ? слышится у костра и оттуда взметываются въ воздухъ нѣсколько свѣтлыхъ струй и слышится грохотъ. Но и тамъ стрѣляютъ въ воздухъ...

Я такъ и подозрѣвалъ, что будетъ нѣчто вродѣ лекоковской оперетки. Точно спена изъ „Les brigands“.

— Что это вы тутъ, воры, дѣлаете?.. Вотъ мы васъ!.. кричимъ мы.

— Унесите ноги! А то сжаримъ въ огнѣ и медвѣдямъ жаркое оставимъ, отвѣчаютъ оттуда.

— Подлая вороны! пронзительно восклицаетъ женскій голосъ. — Покажите имъ себя, храбрые молодцы. Снимите съ нихъ шальвары и пустите домой голоногихъ.

Опять мы стрѣляемъ въ воздухъ, то-же дѣлаютъ и противники. Клубы порохового дыму еще гуще разстилаются кругомъ.

— Нахпонъ! выкрикиваетъ кто-то изъ нашихъ, уже совершенно дѣловымъ тономъ.

— Чего? откликаются изъ противной партіи.

— Мать велѣла тебѣ передать, что дровъ дома нѣтъ.

— Знаю, я уже говорилъ братьямъ.

— А какое у васъ вино съ собой? въ свою очередь, въ перемежку съ руганью, вопрошаетъ кто-то оттуда.—
Не захватили-ли бурдюка? У насъ мало.

И опять ругань...

Наши вскакиваютъ на коней, похитители невѣсты—
тоже. Я остаюсь въ тѣни. Благо на сухое мѣсто попалъ.
Лежать мягко, удобно... Нужно-же кому-нибудь быть
зрителемъ этого спектакля.

На красномъ фонѣ костра точно сцена изъ вальпур-
гивевой ночи. Черные силуэты наѣздниковъ мелькаютъ съ
бѣшеной стремительностью, налетаютъ одни на другихъ,
сталкиваются, разбѣгаются, вьются, выдѣлывая въ сѣдлѣ
разныя экзерциціи джигитовки высшей школы, стрѣляя
назадъ, впередъ, по неизмѣнно въ воздухъ. Все это съ
головокружительной быстротой. То въ одну кучу собьют-
ся и точно многоголосое чудовище, какая-то безобразная,
черная амфибія клубится и катится тамъ, какъ вдругъ
свалка разобьется и всадники, точно чѣмъ-то вспрысну-
тые, стремятся прочь одинъ отъ другого, чтобы сейчасъ-
же опять свалиться въ одно мѣсиво.. Ругань, смѣхъ
дробятся въ воздухъ, ржанье лошадей смѣшивается съ
молодецкими выкриками. Вотъ кто-то изъ сѣдла вылетѣлъ
и испуганный конь мимо меня шархнулъ безъ сѣдока
въ черную чашу. Ловить его кинулись всѣ — и преслѣ-
дователи, и преслѣдуемые. Я боялся, чтобы не затоптали
меня... Поневолѣ къ стволу прижался, точно прилипъ.

Крики их замерли въ глуши лѣса — и опять загремѣли со всѣхъ сторонъ. Лошадь была поймана.. Невѣста все это время спокойно сидѣла у огня, точно и не ея дѣло совсѣмъ.

Солиднаго Магомадъ-оглы я не узналъ даже: папаха на затылкѣ, хохочетъ, оретъ больше другихъ, благимъ матомъ. Ругается, стрѣляетъ, съ разбѣгу всадилъ кинжалъ въ дерево и, ни съ того, ни съ сего, на ближайшій кустъ плюнулъ, точно тотъ оскорбилъ его злѣйшимъ образомъ.

— Ты чего? накинулся онъ на меня.— Или не весело тебѣ?

Наконецъ, обѣ партіи уставать начали. Опять разединились и заняли первоначальное положеніе.

— Чего-жо вы отъ насъ не бѣжите? Вѣдь вамъ бѣжать слѣдуетъ по адату! негодовали въ нашей партіи.

— Зачѣмъ? Мы посмотримъ, какъ собаки отъ лѣсныхъ звѣрей побѣгутъ. Убирайте ноги вы!

— Совсѣмъ не наше дѣло бѣгать! резонерствовали преслѣдователи. — Вы увезли невѣсту, вамъ и уходить слѣдуетъ, а мы васъ догонять будемъ... Пора вѣдь... И она утомилась.

Начался третій актъ этой оперетки. Убѣжденные нашими ораторами въ своей обязанности бѣжать, джигиты бросились къ дѣвушкамъ. Десятки рукъ схватили ее, приподняли въ воздухъ, моментально завернули въ какую-то кошму и разомъ, въ видѣ какого-то свертка, взбросили на сѣдло въ руки къ ея избраннику. Послышался какой-

то дикій крикъ, точно вой волчьяго стада, и всяэта масса разомъ шарахнулась впередъ, въ сырую темень лѣсной чащи.

Я едва успѣлъ вскочить въ сѣдло, какъ мой конь, увлеченный общимъ смятеніемъ, стремительно ринулся впередъ, со слѣпа набѣжалъ на костеръ, прынулъ въ сторону и чуть не вышибъ меня изъ сѣдла прямо на огонь. На одну секунду обдало горячими искрами, обожгло лицо, близко-близко мелкнуло въ глазахъ яркое пламя, и спустя минуту я уже вслѣдъ за другими вихремъ несся среди непрогляднаго мрака, вцѣпившись инстинктивно въ гриву коня и прижимая голову къ его взмыленной шеѣ. Вѣтви хлестали въ лицо, изъ-подъ копытъ лошади сыпались искры, когда она попадала на камень, а преслѣдуемые и преслѣдователи еще неудержимѣе, еще безумнѣе неслись все впередъ и впередъ, будя молчаливыя окрестности дикими криками какой-то адской, дыханіе захватывающей травли. Воображаю, какъ отъ насъ шарахались въ стороны испуганные звѣри, какъ лѣсные хищники—филины-пугачи, ошеломленно забирались въ густую чашу чираръ и каштановъ. Мнѣ до сихъ поръ удивительно, какъ насъ не разбило о какое-нибудь дерево, какъ мы не сломали себѣ шеи, когда конь спотыкался среди своего бѣшеннаго бѣга, когда сѣдло какъ будто отрывалось отъ его спины. Въ ухахъ свисталь воздухъ, оглушали выстрѣлы. А кровь прилиwała къ вискамъ, росло воодушевленіе и все дальше и дальше хотѣлось нестись впередъ, хотя и въ хвостѣ этой сумасшедшей травли. Опьяняло!..

Ужъ внизу мою лошадь схватилъ подъ узды Магомадь-оглы.

— Стой!.. Ты хотѣлъ церковь видѣть вашей святой Мириамъ.

— Гдѣ она?

— Въ сторонѣ немного. Теперь, все равно, погони не увидишь. Они до слѣдующаго аула гнать будутъ. Молодецъ, что невѣсту укралъ, спрячется тамъ у своего кунака, а остальные въ ауль вернутся.

Я послѣдовалъ за нимъ.

Конь еще вздрагивалъ, поводилъ ушами, похрапывалъ, заявляя поминутно желаніе смѣнить умѣренную рысь на дикій бѣгъ.

Большая поляна. Мѣсяць уже всталъ на краю неба. Сюда доходить только его слабый отсвѣтъ. Края поляны отодвигаются въ царство тьмы непроглядной. Точно нѣтъ ихъ вовсе. Только нази насъ видны деревья, а кругомъ мракъ, и изъ этого мрака выдѣляется едва освѣщенное пятно площадки. Тихо, сумрачно, торжественно позади въ лѣсу, но здѣсь, на этомъ пятнѣ, еще тише, сумрачнѣе и торжественнѣе едва-едва намѣчаются, точно призраки, грандіозныя руины древняго храма.

И разобрать ихъ трудно! Смутно ужъ очень. Одна громадная масса стремится вверхъ и ея-то вершина всего ярче видна. Точно виситъ она. Подножіе теряется въ

сумракъ. Кругомъ кучи щебня, обгрызки какой-то стѣны, круглая башня съ чернымъ зѣвомъ провала.

Чуть-чуть намѣтилось во мракѣ и опять ушло во мракъ, когда мѣсяцъ спрятался за тучей. На одну минуту только и показалось, строгое, торжественное, молчаливое и величавое. Такимъ оно мерещится мнѣ и теперь, полнымъ сумрака и тайны, безъ деталей, безъ второстепенныхъ абрисовъ, но необычайно цѣльное, внушающее благоговѣніе. Точно старый, полузабитый сонъ встаетъ передо мною! Помнится еще только запахъ цвѣтовъ, которые словно невидимыя кадила возносили во тьмѣ свои благоуханія къ невидимому алтарю этого сумрачнаго храма, цѣлые вѣка умирающаго въ своей таинственной глуши.

И опять мракъ лѣса, и опять тряска на жесткихъ сѣдлахъ.

Сочиненія того же автора.

	р.	к.
Соловки. Воспоминанія и рассказы изъ поѣздки съ богомольцами	1	50
У Океана. (Жизнь на крайнемъ сѣверѣ)	2	50
Лапландія и Лапландцы. (Публичныя лекціи). Изданіе второе	1	—
На просторѣ. Очерки: Затерянные въ океанѣ. — Въ тихой и мирной пристани. — Полярное лѣто. — Мертвая бухта	1	25
Страна Холода. Большой изящно изданный томъ съ рисунками, иллюстрированный Н. Каразинымъ.	5	—
Подневольные странники. (Повѣсти и рассказы). 2 т.	3	50
По Волгѣ. (Очерки и впечатлѣнія лѣтней поѣздки)	2	50
Годъ Войны. (Дневникъ русскаго корреспондента 1877 — 1878). Изданіе второе, исправленное и дополненное. 3 тома	6	—
Гроза. Романъ изъ событій послѣдней войны, въ трехъ частяхъ. Изданіе третье.	2	50
Воинствующій Израиль. (Недѣля у Дагестанскихъ евреевъ). Изящно изданный	1	—
Даль. (Очерки и рассказы изъ поѣздки по Югу)	1	25
Въ гостяхъ. (Очерки и рассказы)	1	25

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Послѣ Войны (служащее продолженіемъ года войны).
Плевна и Шибка, романъ въ трехъ частяхъ, изъ событій послѣдней войны.

Въ типографіи **Б. Г. Янпольскаго**, (С.-Петербургъ
Демидовъ пер., д. № 5), отпечатаны и продаются:

Р. К.

- Открытие Америки Христофоромъ Колумбомъ** соч. Д-ра
Ріеке. Цѣна въ роскошномъ переплетѣ 3 р. въ цвѣт-
ной папкѣ 2 50
- Очерки по энциклопедіи права.** П. Деларова. О правѣ
въ ряду другихъ сферъ умственной жизни человѣка . 3 —
- Памятникъ восточной войны 1877 — 1878 гг.**, заклю-
чающій въ себѣ въ алфавитномъ порядкѣ біографиче-
скіе очерки всѣхъ отличившихся, убитыхъ, раненыхъ
и контуженныхъ, генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ,
докторовъ, санитаровъ, сестеръ милосердія и отличив-
шихся рядовыхъ. Сост. А. Старчевскій 1 50
- Исторія одного преступленія Виктора Гюго.** Пока-
заніе свидѣтеля, 2 тома . . . . . 2 —
- Бурный приливъ**, романъ Фр. Шпильгагена 2 50
- Иллюстрированные рассказы для дѣтей** изъ жизни
животныхъ, состав. по Брему. С. Илеру и др. Цѣна
въ шагреновомъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ . . 1 —

